

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ

ЗАПИСКИ

1869

№ 11. НОЯБРЬ

16931

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

Въ типографіи А. А. Краевскаго (Литейная, № 38).

1941

ВАКАНТНОЕ МѢСТО.

КОМЕДИЯ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Левъ Помпеичъ Краснокалачный, завѣдующій отдѣльною частью, около 35 лѣтъ.

Флегонтъ Парменичъ Сыропустовъ.

Никандръ Авдѣичъ Бубенчиковъ.

Позвонковъ.

Зябликовъ.

Хлюстиковъ.

Звонищевъ.

Пальмира Карловна Сыропустова.

Сосипатра Петровна Бубенчикова.

Позвонкова.

Катерина Павловна Зябликова.

Бахрюкова, Конкордія Никтополіоновна, богатая барыня.

Таня, ея племянница.

Канюкинъ, Василій Ивановичъ, учитель открытаго заведенія.

Лизавета Александровна, жена его.

Анна Львовна.

Вадимъ Прокофѣичъ Прелестный, изъ военныхъ.

Дергачевъ.

Пестрянкина, жена учителя чистописанія.

Служанка Канюкиныхъ.

} разныхъ чиновъ мѣстные чиновники, подчиненные Краснокалачному.

} ихъ супруги.

Дѣйствіе происходитъ въ большомъ губернскомъ городѣ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Хорошо меблированная большая гостиная, въ домѣ Сыропустова. Направо за однимъ столомъ играютъ въ карты Анна Львовна, Бубячикова, Позвонкова и Зябликова. Налѣво, на диванѣ и креслахъ около стола помѣщаются: Сыропустова, Бахрюкова, Зябликова. Хлюстиковъ сидитъ у ихъ ногъ на низенькомъ табуретѣ. Въ сосѣднихъ комнатахъ играетъ музыка и танцуютъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Сыропустова.

Я очень рада; наша молодѣжь, кажется, развеселилась: славно отплясываетъ; послѣ недѣльной скуки и трудовъ не грѣхъ и позволительно.

Бахрюкова.

Я нахожу, что нынѣшняя молодѣжь вовсе не умѣетъ веселиться; то ли было въ наше время... Помните, когда я только-что пріѣхала сюда изъ Петербурга, была еще помоложе и давала вечера: какъ было весело... Помните?... У меня бывало каждую недѣлю по два раза вечера... А въ другіе дни у другихъ... Такъ вся недѣля разобрана... И молодѣжь каждый день пляшетъ... Я умѣла это дѣлать: умѣла воодушевить общество...

Сыропустова.

Ну, то было время, Конкордія Никтополіоновна, теперь другое...

Бахрюкова.

Пустяки... Нужно только умѣть... Теперь я все оставила: и выѣзжаю и къ себѣ принимаю только для племянницы... А захочу, у меня и теперь всѣ запляшутъ. Я умѣю ихъ въ рукахъ держать... Вотъ у меня этакой мальчишка не смѣлъ бы безъ дѣла сидѣть (*указываетъ на Хлюстикова*). Пріѣхалъ, гдѣ пляшутъ, такъ пляши, а то пошелъ домой: около старухъ нечего дѣлать...

Хлюстиковъ.

Нынѣче, Конкордія Никтополіоновна, молодѣжь степеннѣе стала: предпочитаетъ проводить время въ назидательной, дѣльной бесѣдѣ, нежели въ бессмысленномъ плясѣ.

Бахрюкова.

Полно врать... Просто, нѣтъ человѣка, никто не умѣетъ васъ въ руки забрать, воодушевить... Либо пьянствуете, либо слоняетесь безъ дѣла, въ тоскѣ, либо глупости врите между собой... вотъ ваше степенство.

АННА ЛЬВОВНА (за карточнымъ столомъ).

Что за наказаніе божеское, ничего не идетъ... Хлюстиковъ! поди, разбери мнѣ карты на счастье.

Хлюстиковъ (подбтвая).

Съ удовольствіемъ, Анна Львовна, на мое счастье... (разбираетъ карту).

АННА ЛЬВОВНА.

Ну, что?

Хлюстиковъ.

Плохо, Анна Львовна.

АННА ЛЬВОВНА.

Ну, я такъ и думала... (Заглядывая въ карты и вырывая ихъ изъ рукъ Хлюстикова). По-шелъ... И захотѣла я отъ кого удачи ждать!.. (Хлюстикову). На-ка, переверни мнѣ кресла... (Встаетъ).

Хлюстиковъ.

Какъ перевернуть?..

АННА ЛЬВОВНА.

Ну, какъ?.. Разумѣется, какъ... Переверни вокругъ себя, да и поставь опять на мѣсто... (Хлюстиковъ вертится съ кресломъ). Авось, игра не перевернется ли... (Садится). Спасибо... (Хлюстиковъ отходитъ и садится на прежнее мѣсто).

СЫРОПУСТОВА.

Нѣтъ, я готова вступить за мою молодѣжь... Я ею очень довольна... Я скажу только хоть про мое дѣло: про благотворительность... Нужно ли сборъ сдѣлать какой, или лотерею, или спектакль устроить въ пользу какого бѣднаго семейства... стоитъ только сказать, и моя молодѣжь мигомъ все обдѣляетъ: и пожертвуетъ и устроитъ... По моему мнѣнію, это лучше, достойнѣе, чѣмъ плясать всю жизнь, безъ отдыха...

Зябликова (саркастически улыбаясь).

Я думаю...

БАХРЮКОВА.

Э, полноте вы... Все это притворство... Ханжество... или выгодный промыселъ...

Зябликова (строга).

Однако, не слишкомъ ли рѣзко вы выражаетесь, Конкордія Никтополіоновна... Въ нашемъ городѣ больше всѣхъ занимаемся благотворительными дѣлами и вызываемъ другихъ на пожертвованія только мы съ Пальмирой Карловной, такъ, я надѣюсь, что ваши слова къ намъ не относятся, потому что во всѣхъ нашихъ дѣйствіяхъ принимаетъ участіе самъ Иванъ

Яковлевичъ и ему извѣстно, куда идутъ всѣ собираемыя нами пожертвованія... Безъ его вѣдома мы ничего не предпринимаемъ и никуда не расходуетъ денегъ.

Хлюстиковъ.

Да изъ пріютскихъ отчетовъ и видно даже, сколько пожертвовали вы, Катерина Павловна, и вы, Пальмира Карловна...

Сыропустова.

Наконецъ, за наши дѣйствія весь городъ, вся губернія насъ благодарятъ... Иванъ Яковлевичъ даже высшему правительству...

Бахрюкова.

Боже мой, боже мой... mesdames, mesdames! какую бурю вы противъ меня подняли... Хотя я и привыкла называть вещи ихъ настоящимъ именемъ... но что касается до дѣйствій вашихъ съ Иваномъ Яковлевичемъ, я никогда себѣ не позволю даже намекнуть что-нибудь двусмысленное... Чтò вы, чтò вы, господь съ вами... Я такъ уважаю и васъ, и Ивана Яковлевича, и всякія власти, что не позволю себѣ даже подумать о васъ ничего такого... Напротивъ, я только-что хотѣла спросить васъ (къ Зябликовой, съ видомъ притворнаго участія, въ которомъ слышна иронія), отчего Ивана Яковлевича нѣтъ сегодня здѣсь?.. здоровъ ли онъ?..

Зябликова (*вспыхнувъ, раздражительно*).

Почему это вы именно меня хотѣли спросить?.. Мы не вмѣстѣ живемъ... Я не жена и не родственница Ивана Яковлевича... (*Вызывающимъ тономъ*). Вы чтò этимъ хотѣли сказать?..

Бахрюкова.

Боже мой, боже мой... да ничего... ничего... Я знаю, что Иванъ Яковлевичъ васъ уважаетъ и вы такъ часто выдаетесь... думала, что и сегодня, можетъ быть, видѣлись... и хотѣла узнать объ его здоровьѣ... Больше ничего... Чтò вы, mesdames... Меня, право, удивляетъ ваша подозрительность, ваше желаніе искать какихъ-то намековъ въ самыхъ простыхъ словахъ... Чтò вы, чтò вы!..

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тѣ же и Сыропустовъ.

Сыропустовъ (*подходя къ жснѣ*).

А что, мой другъ, не пора еще приказать ужинать?

СЫРОПУСТОВА.

Помилуй, какой еще ужинъ: наша молодѣжь только-что развеселилась.

СЫРОПУСТОВЪ.

А по моему, такъ пора бы понемножку готовить... А?... Намъ, старикамъ, неиграющимъ и нетанцующимъ, не дурно бы перекусить... немножко... а?..

СЫРОПУСТОВА.

Ахъ, отстань, пожалуйста.

СЫРОПУСТОВЪ.

За неспособностью къ прочимъ занятіямъ... ха, ха, ха... предаться своему удовольствію... (*Поглаживаетъ животъ*). А?... ха, ха, ха...

СЫРОПУСТОВА.

Ну, спроси себѣ тамъ и покушай... А ужинать еще рано... (*Къ прочимъ*). Мой мужъ удивительный человѣкъ: обѣдъ, ужинъ, ѣда — это единственная его забота... Съ утра онъ только и думаетъ, что объ обѣдѣ, а послѣ обѣда объ ужинѣ...

СЫРОПУСТОВЪ (*покачиваясь на ногахъ и облизываясь*).

Люблю-съ... признаюсь: люблю поѣсть... Да и что-жь намъ, старикамъ, осталось: къ прочему ничему неспособны... одно наслажденіе осталось въ жизни: поѣсть... И пока этотъ господинъ (*глядитъ себя по животу*) въ порядкѣ и дѣйствуетъ, надо пользоваться... Такъ-ли, Конкордія Никтополіоновна?

СЫРОПУСТОВА.

Ахъ, стыдись, по крайней мѣрѣ, рассказывать: будто ужъ въ жизни нѣтъ никакихъ высшихъ интересовъ, болѣе важныхъ...

СЫРОПУСТОВЪ.

Ну, матушка, какіе тамъ высокіе интересы... этого мы не знаемъ; это насъ не касается: для этого есть высшее начальство... А чего не знаю, что меня не касается, о томъ и думать нечего... Я люблю говорить прямо... откровенно... Такъ-ли, Конкордія Никтополіоновна?... Откровенно лучше говорить... ха, ха, ха...

БАХРЮКОВА.

Такъ, такъ, Флегонтъ Парменычъ, я держу вашу сторону: я съ вами совершенно согласна и уважаю васъ за это... Всѣ эти рассказы о высшихъ интересахъ, все это вздоръ, пустяки; люди всегда люди, всегда одни и тѣ же, что были, то и будутъ: всякій больше всего думаетъ о себѣ, о своей выгодѣ и о своемъ удовольствіи, всякій живетъ только для себя... только одинъ говоритъ объ этомъ прямо и откровенно, а другой любитъ ри-

соваться, прикрывать себя разными добродѣтелями... По моему, нѣтъ людей ни святыхъ, ни добродѣтельныхъ, у всякаго есть что-нибудь на совѣсти... такъ сколько чортъ ни наряжайся, а хвоста все не спрячетъ... Дайте-ка мнѣ руку, Флегонтъ Парменычъ, проводите меня въ залу: я хочу посмотрѣть, какъ прыгаетъ моя козочка, Таня...

Сыропустовъ.

Съ величайшимъ удовольствіемъ, Конкордія Никтополоновна... Прошу васъ. (*Подаетъ ей руку*). И къ ужину отправимся съ вами подъ музыку, колонезомъ... Позвольте?..

Бахрюкова.

Не знаю, останусь-ли я до ужина... (*Идетъ съ нимъ*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Сыропустова, Зябликова и Хлюстиковъ.

Зябликова.

Я видѣть не могу эту фурію... Въ каждомъ ея словѣ такъ и слышно желаніе уязвить, кольнуть...

Хлюстиковъ.

Я ее называю: барыня баши-бузукъ.

Сыропустова.

Все еще не можетъ забыть своей петербургской славы и злится, что здѣсь не можетъ играть первой роли и никто на нее вниманія не обращаетъ.

Хлюстиковъ.

Да, кажется, пора бы и перестать думать о старомъ: ужь, говорятъ, тотъ графъ, которымъ она составила себѣ славу, давно истлѣлъ въ могилѣ, да и ей туда же пора... А знаете чтò, Катерина Павловна? вѣдь ужь она извѣстна въ Петербургѣ, вѣдь ее оттуда выгнали за какую-то скандальную исторію... Попросить бы Ивана Яковлевича, чтобы онъ отрекомендовалъ ее какъ беспокойную, возбуждающую общество, и просилъ выслать въ другую губернію... Это можно устроить: туда ушлютъ, что и...

Сыропустова.

Нѣтъ, что тутъ завязывать Ивана Яковлевича въ эту исторію: у нея есть тамъ, въ Петербургѣ, старья связи: еще, пожалуй, какая непріятность выйдетъ... для Ивана Яковлевича... отъ нея всего можно ожидать... А ее надобно здѣсь уничтожить, потихоньку, своимъ судомъ... чтобы она нетолько не смѣла давать волю своему скверному языку, а чтобы глаза боялась показать въ наше общество!

Зябликова.

Вотъ, вотъ, вотъ—это самое лучшее... Я ее непременно хочу проучить... Я первая ее не только не стану принимать, даже кланяться ей не буду, стану отворачиваться, когда заговорить... Ивана Яковлевича настрою противъ нея такъ, что онъ ее тоже не будетъ принимать къ себѣ... а за нимъ и всѣ другіе не посмѣютъ принимать... Пускай живетъ одна, со своей племянницей...

Хлюстиковъ.

Вотъ жалко, что офицеры пожалуй за нее станутъ, а то мож- бы съ племянницей какойнибудь скандалъ устроить... Нашимъ только слово сказать: ни одинъ не подойдетъ, и анга- жировать не будетъ... А для нея эта обида хуже всего: она въ своей Танѣ души не слышитъ, считаетъ ее первой краса- вицей и прочить выдать за принца...

Зябликова.

Какая красавица... кукла!..

Сыропустова.

Какое души не слышитъ? полноте! развѣ такая женщина мо- жетъ когонибудь любить?... Просто держать при себѣ какъ средство привлекать въ домъ молодежь: безъ нея кто бы къ ней поѣхалъ... Да она рада продать ее, только бы что ни- будь черезъ это выиграть для себя... Вы слышали, кажется, какъ она нагло и откровенно говоритъ, что люди только для себя живутъ... Въ ней никакого христіанскаго чувства нѣтъ...

Зябликова (*Хлюстикову*).

А почему же вы говорите, что военные на ея сторонѣ...

Хлюстиковъ.

Какъ же, развѣ вы не знаете? ихъ полковой командиръ, Кру- подеровъ, безъ ума отъ нея, таетъ, не отходитъ отъ нея, хо- четъ сдѣлать предложеніе...

Сыропустова.

Такъ и прекрасно: военные будутъ скоро противъ нея и на нашей сторонѣ... Надо устроить такъ, чтобы Круподеровъ скорѣе посватался; онъ старъ, да и небогатъ, она непременно откажетъ — и тогда... военные наши...

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ТѢ ЖЕ, КАНЮКИНА И ПРЕЛЕСТНЫЙ.

Прелестный (*идя вслѣдъ за Канюкиной*).

Умоляю васъ...

Канюкина (*обмахиваясь вѣтромъ*).

Нѣтъ, ей Богу, не могу, устала...

Прелестный.

Одинъ туръ... умоляю васъ: одинъ только туръ...

Канюкина.

Не могу... Ахъ, ma tante... (*садится около Сыропустовой и целуетъ ее въ плечо*).

Прелестный.

Я не отойду отъ васъ: я вамъ надоѣмъ своими мольбами, и вы сжалитесь... Пальмира Карловна, заступитесь за меня...

Сыропустова.

Что такое?..

Канюкина.

Вотъ просить танцевать, но я устала, и мнѣ пора домой...

Прелестный.

Молю: только объ одномъ турѣ вальса..., если нельзя кадрили и мазурку...

Сыропустова.

Зачѣмъ же ты такъ рано хочешь отправляться домой?... Развѣ тебѣ здѣсь не весело?

Канюкина.

Ахъ, что вы, тетя: ужасно весело... но теперь ужъ двѣнадцать часовъ, а мужъ дома одинъ и ждетъ меня... онъ просилъ пріѣхать пораньше...

Прелестный.

Но это жестоко, это эгоизмъ: отнимать васъ одному у цѣлаго общества...

Канюкина.

Но вы, вѣдь хотите же, чтобы я для васъ однихъ заставила мужа ждать и беспокоиться... это тоже эгоизмъ...

Прелестный.

Какъ одинъ?.. Какъ для одного? Хотите: все наше общество сейчасъ же явится просить васъ, чтобы вы остались до мазурки... Хотите?... Я иду и... Сейчасъ вся молодежь явится умолять васъ остаться, чтобы еще хоть нѣсколько мгновений освѣщать и согрѣвать вашимъ присутствіемъ... наше веселье...

Канюкина (*засмѣявшись*).

О, нѣтъ, нѣтъ, пожалуйста... Вы такъ эффектно выражаетесь, что, право...

Сыропустова.

Если тебѣ весело, мой другъ, у меня, такъ не торопись... Твой мужъ, по настоящему, самъ долженъ бы быть здѣсь... но если онъ такой дикарь, или чудакъ, что избѣгаетъ общества, то самъ виноватъ: пускай и подождетъ тебя... Тебѣ не часто

достаются такія развлеченія... И потому я не отпущу тебя до ужина.

ПРЕЛЕСТНЫЙ.

Благодарю васъ... Пальмира Карловна... отъ лица всего общества благодарю васъ!

КАНЮКИНА.

Но право, ma tante, онъ не потому не пріѣхалъ, что не хотѣлъ: онъ не совсѣмъ здоровъ.

СЫРОПУСТОВА.

Еслибъ онъ дѣйствительно былъ боленъ, ты совсѣмъ бы не пріѣхала, но если ты могла его оставить, слѣдовательно и онъ можетъ подождать тебя до окончанія нашего вечера. А чтобы проучить твоего мужа за то, что не пріѣхалъ, я не отпущу тебя до послѣдняго танца. А вину твою передъ мужемъ принимаю на себя: такъ и скажи ему.

КАНЮКИНА.

Ахъ, тетя, право...

СЫРОПУСТОВА.

Довольно... Больше я ничего не говорю... Какъ хочешь...

ПРЕЛЕСТНЫЙ.

Мерси, Пальмира Карловна, боку мерси... вы намъ дѣлаете двойной праздникъ... (*къ Канюкиной*) Ну, умоляю васъ: возвратитесь же въ залу! Посмотрите, какъ всѣ обрадуются. Слышите, ригурнель сыиграли, сейчасъ начнутъ кадрили... Позвольте васъ просить на кадрили.

КАНЮКИНА.

Ахъ, какой вы жестокой человекъ... Я хотѣла хоть отдохнуть немножко... (*приподымается*).

ПРЕЛЕСТНЫЙ (*подавая руку*).

О, еслибъ я могъ, я не давалъ бы вамъ ни на минуту отдыха въ вихрѣ веселья и радости... Но жестокъ не я, а тотъ, который эгоистически, одинъ завладѣлъ вами и для котораго вы хотѣли сейчасъ всѣхъ насъ оставить... (*уходятъ разговаривая*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

ТѢ ЖЕ БЕЗЪ КАНЮКИНОЙ И ПРЕЛЕСТНАГО.

ХЛЮСТИКОВЪ (*насмѣливо*).

Какой краснорѣчивый офицеръ!

ЗЯВЛКОВА.

А ваша племянница, кажется, очень бойкая особа!

Сыропустова.

Да, она чувствуетъ, что хорошенькая.

Хлюстиковъ.

Чудо какъ хороша.

Зябликова (съ неудовольствіемъ).

Особеннаго чуда нѣтъ, но очень мила.

Хлюстиковъ (спохватившись).

То-есть я въ томъ смыслѣ...

Зябликова.

Отчего она ни съ кѣмъ не знакома?

Сыропустова.

Она, бѣдная, сдѣлала себѣ плохую партію: семья ихъ большая, люди они небогатые и она вышла замужъ за учителя... говоритъ, по любви... Во что было влюбиться, не знаю: правда, молодъ, но не особенно хорошъ собой; говорятъ уменъ, — не знаю: по моему ужасно скученъ, особенно для такой молодой женщины... Молчаливый, угрюмый, ужасно много о себѣ думаетъ, ни съ кѣмъ не хочетъ знакомиться... ну, и сгнѣтъ учителемъ... А жаль: съ своей рожицей, съ своимъ умомъ, она могла бы сдѣлать хорошую партію. И такая ласковая, угодительная, веселая: я ее люблю и жалѣю... Она не мнѣ племянница, мужу... А Иванъ Яковлевичъ, видно, къ намъ сегодня такъ и не пожалуетъ... а общалъ...

Зябликова.

Да, странно, что его нѣтъ до сихъ поръ: онъ хотѣлъ непременно пріѣхать.

Хлюстиковъ.

У нихъ какой-то комитетъ сегодня.

Зябликова.

Какой теперь комитетъ: въ двѣнадцать часовъ... что вы болтаете...

Хлюстиковъ.

Я и хотѣлъ сказать, что ужъ давно кончился, я думаю.

Сыропустова.

Вотъ и Звонищева нѣтъ.

Зябликова.

Вѣрно, что нибудь ихъ особенное задержало.

Хлюстиковъ.

Развѣ не случился ли гдѣ пожаръ...

Зябликова.

Ахъ, Хлюстиковъ, какія вы глупости говорите: что же, поѣдетъ, что ли, Иванъ Яковлевичъ на пожаръ въ такое время, ночью!

Хлюстиковъ.

Нѣтъ-съ, я про Звонищева...

Зябликова.

И Звонищевъ самъ не поѣдетъ на пожаръ, а пошлетъ когонибудь, особенно когда знаетъ, что здѣсь все общество.

Хлюстиковъ.

Если прикажете, я съѣзжу узнать отъ камердинера, что за причина.

Зябликова.

Не нужно.

Анна Львовна (къ Зябликову).

Ну, что это такое: съ тобою играть, батюшка, нельзя.

Зябликовъ.

Отчего такъ, Анна Львовна?..

Анна Львовна.

Да помилуй, шесть роберовъ сряду проиграла: и съ тобою проиграла, и съ этими барынями опять проиграла... А ты, смотри: ты почти всѣ роберы выигралъ... Какъ это можно... Этакъ, душа моя, со старухами не играютъ... Это не деликатно!

Зябликовъ.

Чѣмъ же я-то виноватъ, Анна Львовна, что къ вамъ карты не идутъ?

Анна Львовна.

Ну, какъ не идутъ... и карты хорошія приходили, да вы ни одной игры не дали мнѣ выиграть... Либо короля подведете, либо по третьей бьете, когда тузъ, король съ маленькими. Просто, старались обыграть меня... Ну, считайте, сколько за мной?

Зябликовъ.

А больше неудобно? можетъ быть отыграетесь...

Анна Львовна.

Нѣтъ, благодарю: я для удовольствія сажусь, а не для того, чтобы обыгрывать навѣрняка.

Бубенчикова.

Что же, и всѣ для удовольствія садятся играть, Анна Львовна, никто здѣсь не подтасовываетъ и не передергиваетъ... да въ ералашъ и нельзя играть навѣрняка...

Анна Львовна.

Ну, такъ я не такая мастерица, чтобы съ вами играть: видите, вы всѣ выиграли, а я одна проиграла... Для меня нужно игроковъ попроще, а не такихъ искусныхъ, какъ вы... Сосчитаете, такъ скажите: сколько... (встаетъ).

Зябликовъ.

Да вотъ сейчасъ, Анна Львовна, сейчасъ сосчитаю.

Анна Львовна.

Ахъ, батюшка, не убѣгу, не бойся... Получишь свои деньги... Не бойся: отдамъ... (*уходитъ*).

Зябликовъ (*смотря ей вслѣдъ*).

Ну, это значить, ищи вѣтра въ полѣ... Нечего и считать.

Бубенчикова.

Ни за что не отдасть...

Позвонкова.

А когда сама выиграетъ, такъ не отойдетъ отъ стола, пока не получитъ всѣхъ денегъ, надъ каждымъ гривенникомъ... Съ нею не слѣдуетъ играть. Не стоитъ и считать теперь: напрасный трудъ... (*встаетъ*).

Зябликовъ.

Такъ неужели же я ей буду дарить. Вотъ нарочно сосчитаю и пойду требовать денегъ при всѣхъ... Она привыкла, старушонка, со всѣхъ мужчинъ здѣсь контрибуцію брать: я ей не хочу давать. Пальмира Карловна! вы меня усадили играть съ Анной Львовной, будьте же свидѣтельницами: она мнѣ проиграла восемь рублей.

Бубенчикова.

Мнѣ рубль семьдесятъ пять...

Позвонкова.

Мнѣ двадцать-шесть коп...

Сыропустова.

Ну, Порфирій Ивановичъ, требовать съ Анны Львовны карточныхъ долговъ еще никто не рѣшался и я не берусь: это ея привиллегія... (*къ Бубенчиковой и Позвонковой*) Mesdames, садитесь къ намъ сюда, поближе!

Зябликовъ.

А я намѣренъ нарушить эту привиллегію... сейчасъ пойду и буду требовать... Пускай, злится и ругается... Непремѣнно (*смыется и уходитъ*).

Хлюстиковъ.

Я пойду посмотрю, чтò будетъ и прибѣгу рассказать вамъ (*бѣжитъ*).

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Сыропустова, Зябликова, Бубенчикова, Позвонкова и Хлюстиковъ.

Сыропустова (*къ Зябликовой*).

Она наговорить ему дерзостей: вотъ увидите...

Зябликова.

Пускай... Онъ самъ не поддастся!

Бубенчикова.

Она и теперь ужъ начинала говорить колкости, ничего не видя...

Зябликова.

Право, пора бы проучить хорошенько этихъ барынь, которыя въ нашемъ обществѣ позволяютъ вести себя богъ-знаетъ какъ; пускай, эта только изъ-за картъ бранится, а на примѣръ, Бахрюкова: она позволяетъ себѣ говорить все, что ей вздумается.

Бубенчикова и Позвонкова *(въ одинъ голосъ)*.

Да, да...

Зябликова.

Точно она общій судья, или какой нибудь цензоръ.

Бубенчикова.

О, да, да!

Позвонкова.

Ее давно бы слѣдовало проучить.

Зябликова.

Да, кажется, ужъ и собираются: я кое-что слышала...

Бубенчикова.

Ахъ, это было бы чудесно... Чтò же такое?

Позвонкова.

Это было бы превосходно... Вы не знаете, чтò именно хотятъ сдѣлать?

Зябликова.

Я еще не знаю навѣрное... но только слышала, что все общество противъ нея сильно вооружено... и хотятъ ее уколотъ въ самую чувствительную струну.

Бубенчикова.

Я бы знала, чтò съ ней сдѣлать.

Позвонкова.

Еслибы меня спросили, и я бы посоветовала...

Зябликова.

Что до меня касается, то я объявила сейчасъ Пальмирѣ Карловнѣ, что не только моя нога никогда не будетъ въ ея домѣ, но я даже и кланяться съ ней не буду...

Сыропустова.

Я съ своей стороны также не намѣрена больше продолжать съ ней знакомства.

Бубенчикова.

Если вы... и я тоже...

Позвонкова.

И я тоже...

Зябликова.

Мужь мнѣ говорилъ, что Иванъ Яковлевичъ тоже дурнаго объ ней мнѣнія, да она и въ Петербургѣ извѣстна, какъ самая скандальная женщина... и тамъ ее не принимали ни въ одинъ порядочный домъ.

Бубенчикова.

Помилуйте, да это очень понятно; кому же можетъ быть пріятно знакомство съ такой женщиной.

Позвонкова.

Можно сказать: съ такой замаранной женщиной!

Бубенчикова.

Ея исторія въ Петербургѣ очень извѣстна!

Позвонкова.

Кто жь этого не знаетъ?

Бубенчикова.

Она воображаетъ гордиться этимъ...

Позвонкова.

А всякой порядочной женщинѣ тутъ, кажется, нечѣмъ гордиться.

Хлюстиковъ (*обтываетъ и хохочетъ*).

Пальба... баталія идетъ ужасная... Анна Львовна выходитъ изъ себя, бѣсится... Порфирій Иванычъ, молодець, не поддается и, кажется, одержитъ побѣду: она ужь вынула портмоне и роется въ немъ, глаза сверкаютъ, руки дрожатъ, кажется готова бы разорвать Порфирія Иваныча... Просто, потѣха!

Бубенчикова.

Ай-да молодець Порфирій Иванычъ! (*хохочетъ*).

Позвонкова.

Молодець, молодець! (*хохочетъ! Входитъ Звонищевъ*).

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ.

Тъ же и Звонищевъ.

Сыропустова (*къ Звонищеву*).

Наконецъ-то, полковникъ, что вы это такъ поздно?...

Звонищевъ (*мрачно*).

Такъ-съ, обстоятельства...

Сыропустова.

Чтò вы какой? Не случилось ли чего? А Ивана Яковлевича не видали: не будетъ?

Звонищевъ.

Увы! у насъ нѣтъ болѣе нашего друга и благодѣтеля, нѣтъ болѣе Ивана Яковлевича!

Всѣ въ одинъ голосъ.

Какъ нѣтъ? Что вы говорите?...

Зябликова (*поблѣднѣвъ*).

Что случилось? говорите скорѣе...

Бубенчикова.

Вѣрно ударъ?

Позвонкова.

Скоростижно?

Звонищевъ.

Нѣтъ, живъ и здоровъ и всѣмъ кланяется, но... Увы! (*глубоко вздыхаетъ*) уволенъ!...

Зябликова (*со стономъ*).

Уволенъ!

Всѣ.

Уволенъ... Какъ? Что такое?

Звонищевъ.

Да, враги побѣдили: уволенъ въ отставку съ позоромъ, безъ повышенія... даже безъ причисленія... просто: по прошенію, коротко и ясно... (*Изъ сосѣднихъ комнатъ приходятъ, одинъ за другимъ, Зябликовъ, Бубенчиковъ, Позвонковъ и прочіе гости и окружаютъ Звонищева*).

Зябликовъ.

Да неужели это правда, объ Иванѣ Яковлевичѣ?

Звонищевъ.

Совершенная и несомнѣнная.

Зябликовъ.

Уволенъ по прошенію?

Звонищевъ.

По прошенію...

Зябликовъ.

Боже мой, что жъ это такое!

Голоса.

— Какой чудесный человѣкъ...

— Ахъ, какъ жаль...

— Кто бы могъ это предвидѣть...

— Вотъ, нежданно-то, негадано...

— Ну, сломли столбъ...

Сыронустовъ (*входя*).

Да этого быть не можетъ... это пустяки... Это ктонибудь выдумалъ нарочно, чтобы меня испугать передъ ужиномъ и

аппетиту лишить... (Звонищеву) Антонъ Васильевичъ, да неужели?

Звонищевъ.

Да...

Сыропустовъ.

Не пугай меня, не шути, если не правда!

Звонищевъ.

Да развѣ этимъ шутятъ?... развѣ бы я посмѣлъ...

Сыропустовъ (разводя руками).

Вотъ тебѣ на!

Сыропустова.

Да расскажите же вы, Антонъ Васильевичъ, подробно, какъ это все случилось?

Звонищевъ.

Какъ случилось? Очень просто: пріѣхалъ я къ нему, чтобы вмѣстѣ отправиться сюда: онъ нарочно приказалъ мнѣ заѣхать за нимъ, чтобы своихъ лошадей не брать... вѣдь вы знаете: онъ къ своимъ лошадямъ былъ очень жалостливъ...

Бувенчикова.

Добродѣтельный человѣкъ!

Позвонкова.

Добродѣтельный!

Сыропустовъ.

Ну, какъ не знать: добрая была душа.

Звонищевъ.

Ну, пріѣхалъ я, онъ собрался, одѣлся, хотѣли отправиться, вдругъ телеграмма отъ одного изъ министерскихъ пріятелей; онъ такъ спокойно распечаталъ, думалъ по какому дѣлу, ну, мало ли ихъ... сначала даже не хотѣлъ-было распечатывать, положилъ на столъ до завтра, да я говорю: прочитайте, ваше превосходительство, можетъ быть, что нибудь такое... Онъ какъ прочиталъ, такъ и сѣлъ... весь бѣлый... я говорю: что съ вами? Читайте, говоритъ... Читаю: сегодня подписанъ приказъ: вы уволены по прошенію, ничего не могли для васъ сдѣлать... У меня такъ и потемнѣло въ глазахъ... Говорю: ваше превосходительство, что это такое?... А у него на глазахъ слезы... зарыдалъ...

Женскіе голоса.

Бѣдный... Онъ всегда былъ такой чувствительный... Да, чувствительный...

Звонищевъ.

Я самъ зарыдалъ... тронуло меня это... Обнялъ онъ меня... Сталъ я его успокаивать... Впалъ въ ярость... Сталъ топтать

ногами, сорвалъ галстухъ... Тутъ узнало семейство, прибѣжали... началась суматоха... Потомъ успокоился и впалъ въ уныніе... въ тихую этакую меланхолю, грусть... оказалъ покорность провидѣнію... Я все былъ тутъ, около него... до сей минуты... Благодарить меня, жметъ руку... Пофзжайте, говоритъ, къ Сыропустову; Флегонтъ Парменичъ, говоритъ, ждетъ, я думаю, ужинать... вспомнилъ ей-богу... вашу пассію вспомнилъ...

Сыропустовъ *(утирая глаза)*.

Чудный человекъ, великая душа!

Звонищевъ.

Кланяйтесь, говоритъ, отъ меня моимъ друзьямъ и скажите имъ, что я больше уже не начальникъ ихъ... скрывать нечего; объявите, говоритъ, прямо, все равно: скоро все будетъ извѣстно... желаю, говоритъ, только одного, чтобы новый начальникъ такъ же любилъ ихъ, какъ я...

Зябликовъ.

А кто же, кто новый, неизвѣстно?

Звонищевъ.

Въ телеграммѣ было написано: на ваше мѣсто назначенъ генераль-майоръ Левъ Помпенчъ Краснокалачный.

Бахрюкова.

Какъ, какъ вы сказали? кто?

Звонищевъ.

Генераль-майоръ Левъ Помпенчъ Краснокалачный.

Бахрюкова.

Боже мой, неужели Левъ Краснокалачный? Вотъ какъ скоро вышелъ... Да давно ли, давно ли онъ ходилъ ко мнѣ въ Петербургѣ гвардейскимъ офицеромъ! Да онъ былъ мой любимецъ, мой protégé... я его звала просто красный калачикъ... Вотъ какъ... ну, я очень рада... онъ еще и не женатъ... Таня, Таня! слышишь, какой намъ сюрпризъ: сюда ѣдетъ начальникомъ мой старый знакомый, даже мой protégé, Левъ Краснокалачный... Ты его не знаешь, но, я увѣрена, вы подружитесь съ нимъ, онъ былъ такой красивый, славный мальчикъ, ловкій танцоръ... *(Во время этого монолога общее смущеніе, недоумленіе и неряшливость; толпа, находившаяся среди комнаты, отодвигается въ сторону отъ Бахрюковой и раздѣляется на группы; нѣкоторые переглядываются, другіе перужаются въ раздумье, все въ томъ состояніи, когда не знаютъ что дѣлать, на что рѣшиться, въ которую сторону идти).*

Зябликова *(подъывая мужа)*.

Поѣдемъ домой.

Т. CLXXXVII. — Отд. I.

Зябликовъ.

Неловко теперь, вдругъ...

Зябликова.

Я не могу... я не могу видѣть торжество этой женщины...

Зябликовъ.

Ну, поѣзжай одна.

Зябликова.

Это еще хуже: ты долженъ проводить меня. (*Встаетъ и подходитъ къ Сыропустовой*) Adieu...

Сыропустова.

Что же вы это?

Зябликова.

Пора ужь...

Сыропустова.

Но вѣдь, еще не поздно.

Зябликова.

Нѣтъ, пора... не могу...

Сыропустова.

Ну, Богъ съ вами. Не смѣю задерживать. Завтра я постараюсь быть у васъ... Вы не очень разстройвайтесь!

Зябликова.

Мегсі... Не провожайте меня... (*Идетъ и въ дверяхъ встрѣчается съ Анной Львовной*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

ТѢ ЖЕ И АННА ЛЬВОВНА.

Анна Львовна (*Зябликовой*).

Ты куда?

Зябликова.

Домой.

Анна Львовна.

Слышала я; слышала! да, вѣрнаго друга лишаетесь. Что дѣлать... Ну, прощай! (*пропускаетъ ее въ двери*).Анна Львовна (*Зябликову, загоразживая ему дорогу въ двери*).

Что, хотѣлъ меня, старуху, на смѣхъ пустить: обыгралъ да еще смѣяться вздумалъ надо мной! А вотъ тебя Богъ-то за Анну Львовну и утѣшилъ... что, поджалъ теперь хвостъ?

Зябликовъ.

Позвольте, Анна Львовна... я жену провожаю...

Анна Львовна.

Ты ужь очень забылся, зазнался... даже ко мнѣ уваженіе

потерялъ... Вотъ тебя Богъ-то и смирилъ... Еще, пожалуй, новый-то начальникъ и изъ службы выгонитъ!

Зябликовъ *(раздражительно)*.

Позвольте, же сударыня... Что это такое?

Анна Львовна.

Ахъ, батюшки! Кричитъ ужъ на меня! Ступай, батюшка, ступай, бѣги! *(Пропускаетъ его въ двери)*. Провожай свою развѣнчанную королеву! *(Въ толпѣ мужчинъ и женщинъ, смотрѣвшихъ на эту сцену, слышанъ сдержанный смѣхъ)*.

Бахрюкова *(смѣясь очень громко)*.

Развѣнчанная королева! Вотъ это славно сказано! Ай-да Анна Львовна... Уважаю эту старуху!

Анна Львовна *(къ мужчинамъ)*.

Что, развеселила я васъ! насмѣшила? Ну, и хорошо. А то ужъ вы очень пригорюнились... совсѣмъ перетрусили... все обойдется! Я этакихъ треполоховъ здѣсь въ нашемъ городѣ, за свою жизнь, одиннадцать ужъ видѣла... Всякіе бывали, а все одинъ чортъ! Сначала страхъ на всѣхъ нагонитъ, начнетъ мести вашу братью старыхъ, да новыхъ на ваши мѣста сажать... а послѣ уходится; и вы опять, какъ клопы, въ свои прежнія щели поползете! Надо только умѣть за дѣло взяться, да старыхъ опытныхъ людей слушать... Это ничего... *(Звонищеву)*. Ну-ка, командиръ, садись, да расскажи мнѣ все по порядку: какъ было дѣло?

Звонищевъ.

Грустная исторія, Анна Львовна: и рассказывать грустно, и слушать непріятно... Паденіе великаго человѣка!... Грустно!... *(Садится)* Извольте, для васъ расскажу... *(Начинаетъ рассказывать вполголоса)*.

Бувенчикова *(подсаживаясь къ Бахрюковой)*.

Какъ Анна Львовна славно сказала: развѣнчанная королева... именно важности теперь у нея поубудетъ.

Позвонкова *(подсаживаясь къ Бахрюковой съ другой стороны)*.

А замѣтили вы, какъ она измѣнилась въ лицѣ, когда услышала объ этомъ: даже зелень въ лицѣ выступила...

Бувенчикова.

Еще бы! онъ для нея былъ все! Еслибы не Иванъ Яковлевичъ, кто же бы ей позволилъ разыгрывать такую роль?

Позвонкова.

Но я удивляюсь ея безстыдству... я безстыдству ея удивляюсь!

Бубенчикова.

Да, да почти вѣдь прямо говорила о своей связи, хвасталась ею!

Позвонкова.

И этимъ важничала передъ всѣмъ обществомъ!

Бахрюкова.

Да кто же въ этомъ виноватъ? Вы сами, барыни, ухаживали за ней и шлейфъ ея носили вмѣстѣ съ Сыропустовой.

Бубенчикова.

Ахъ, Конкордія Никтополіоновна, съ вами можно говорить прямо: я всегда презирала ее.

Позвонкова.

И я тоже самое...

Бубенчикова.

Но что же дѣлать, когда одного ея слова было достаточно, чтобы Иванъ Яковлевичъ лишилъ мѣста моего мужа... А у насъ дѣти...

Позвонкова.

Я потому же самому: неужели бы я стала ухаживать за ней, еслибы не боялась за мужа. Я видѣть бы ее не могла, по ея поведенію, еслибъ не служба мужа.

Бубенчикова.

Но мнѣ вотъ кто удивителенъ: Сыропустова. У мужа ея прекрасное мѣсто, значительное, и ему повредить трудно, даже для Ивана Яковлевича. А она первая всѣмъ намъ примѣръ показывала, первая всегда ухаживала за Зябликовой.

Позвонкова.

Да, да, и ухаживала, и унижалась передъ ней. Да она первая и сблизила-то ее съ Иваномъ Яковлевичемъ. Это всѣмъ очень хорошо извѣстно!

Бубенчикова.

Да, конечно, извѣстно... Это всякій знаетъ: всѣ знакомства, все началось въ ея домѣ... А знаете, Конкордія Никтополіоновна, какая зловредная эта Сыропустова: онѣ сговорились съ Зябликовой не быть съ вами знакомой.

Бахрюкова.

Что? Не быть со мной знакомой? Ха, ха, ха... Вотъ испугала!

Позвонкова.

Да этого еще мало: онѣ хотѣли нанести вамъ какой-то публичный скандалъ...

Бубенчикова (*перебивая*).

И вообразите: осмѣливались предлагать намъ принять участіе въ ихъ намѣреніи...

БАХРЮКОВА.

И вы, конечно, согласились?

БУБЕНЧИКОВА.

Ахъ, что вы это, Конкордія Никтополіоновна, за кого вы насъ принимаете?

ПОЗВОНКОВА.

Что вы это? какъ вамъ не грѣхъ?... Развѣ вы насъ не знаете? мы тотчасъ бросились васъ предупредить...

БАХРЮКОВА.

Скандалъ, скажите! ахъ, они, благотворительницы! скандалъ! пускай попробуютъ...

БУБЕНЧИКОВА.

Только вы насъ не выдайте, Конкордія Никтополіоновна.

ПОЗВОНКОВА.

Мы вамъ все это разузнаемъ и все передадимъ.

БУБЕНЧИКОВА.

Онѣ слишкомъ ошиблись въ насъ!

ПОЗВОНКОВА.

Тс... вотъ она, она идетъ изъ залы.

СЫРОПУСТОВА *(подходя къ Бахрюковой)*.

А я была тамъ и старалась воодушевить молодежь... Этотъ случай смутилъ-было наше общество. Но что же намъ-то за дѣло... Это дѣло мужчинъ, которые служатъ, а вы, я говорю, молодежь, веселитесь себѣ, не обращая ни на что вниманія! Это до васъ не касается. Ахъ, какъ прелестна ваша Таня! Я все любовалась на нее... Что за милое, что за граціозное существо! Она просто воодушевляетъ всѣхъ. Просто королева всего нашего общества.

БАХРЮКОВА *(вставая)*.

Моя Таня королева?... О, нѣтъ, нѣтъ... Королева вашего общества была и будетъ Зябликова, хоть и развѣнчанная... *(хохочетъ)*. Однако, мнѣ пора спать... Прощайте!

СЫРОПУСТОВА.

Какъ, вы хотите ѣхать? Нѣтъ, ради Бога, погодите. Сейчасъ ужинъ, а потомъ мазурка... Вы портите все наше веселье... Я васъ не отпущу до ужина.

БАХРЮКОВА.

Какъ же вы не отпустите, если я уѣду. Полноте, до веселья ли вамъ теперь, при такомъ несчастіи! Ахъ, какъ это остроумно: развѣнчанная королева *(Хохочетъ)*. Прощайте *(хочетъ идти)*.

Хлюстиковъ *(подбѣгая)*.

Вамъ не нужно ли что приказать, Конкордія Никтополионовна?

Бахрюкова.

Нужно...

Хлюстиковъ.

Что прикажете?

Бахрюкова.

Чтобы вы не совались, гдѣ васъ не спрашиваютъ... Больше ничего. *(Уходитъ)*.

Сыропустова *(стоитъ въ раздумьѣ)*.

Надѣется на новое свѣтило... Ну, еще увидимъ.

Звонищевъ.

Вотъ вамъ и вся печальная исторія, какъ палъ великій человекъ!

Бувенчиковъ *(глубоко вздыхаетъ)*.

Да, и пометутъ насъ какъ клоповъ...

Позвонковъ.

И первые будутъ послѣдними, и послѣдніе, можетъ быть, первыми.

Звонищевъ.

Да-съ, предстоитъ, предстоитъ перетасовка... Молодь и въ случаѣ... Захочетъ себя показать... Что-то будетъ!

Сыропустовъ.

Что бы ни было, а дожидать надо. Надъ всѣми господами есть господинъ... *(глядитъ животъ)*. Милости просимъ, господа! А жалко, жалко Ивана Яковлевича: со вкусомъ былъ человекъ, и покушать умѣлъ... А гдѣ же Конкордія Никтополионовна?...

Сыропустова.

Уѣхала.

Сыропустовъ.

Какъ уѣхала?... а вѣдь хотѣла идти со мной къ ужину...

Сыропустова.

Нѣтъ, она теперь уже гнушается нашимъ обществомъ, съ тѣхъ поръ, какъ услышала о новомъ назначеніи.

Сыропустовъ.

Ну, Богъ съ ней... Матушка Анна Львовна, пожалуйста ручку. *(Подаетъ руку Аннѣ Львовнѣ)*. *(Хлюстикову)*. Викторъ Ипатьичъ, велика играть полонезъ, да зови молодежь ужинать... *(Хлюстиковъ убѣгаетъ)*. Господа! прошу... *(Всѣ уходятъ, многіе парами. Музыка играетъ польскій)*.

Занавѣсъ падаетъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Небольшая комната въ домѣ Сыропустова.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

СЫРОПУСТОВА *(одна, ходитъ въ безпокойствѣ по комнатѣ и часто смотритъ въ окно).*

Нѣтъ, не ѣдетъ... Какъ долго онъ ихъ держать... Первый пріемъ у новаго начальника: какое это важное событіе для чиновника... Я воображаю этотъ общій трепеть, общее безпокойство и волненіе въ ожиданіи выхода новаго начальника... Вся зала полна, тишина мертвая, всѣ въ мундирахъ, не смѣютъ кашлянуть, иные не смѣютъ присѣсть, съ волненіемъ смотрятъ на ту дверь, изъ которой онъ долженъ выдти... Каковъ-то онъ? Что-то онъ скажетъ? Кто уцѣлѣетъ, кого прогнать, кто будетъ при немъ въ силѣ? И вотъ онъ выходитъ, раскланивается, окидываетъ всѣхъ однимъ взглядомъ... всѣ въ оцѣпенѣніи... Начинается представленіе: такой-то... кивнулъ головой, прошелъ молча... неизвѣстно что будетъ, что онъ думаетъ... такой-то... «а! очень радъ съ вами познакомиться... Я слышалъ о васъ много хорошаго...» Боже мой, какъ легко стало на душѣ! ожилъ человѣкъ, улыбается, веселъ, благодаренъ, готовъ броситься и расцаловать руки добраго начальника, кругомъ всѣ ему улыбаются... За то слѣдующій: такой-то... Брови начальника хмурятся... «а?... гм... Это вы?... слышалъ-съ, слышалъ и объ васъ... гм...» и больше ни одного слова... Но и этого довольно: кончено, пропалъ человѣкъ... судьба его рѣшена... Какъ много значитъ одно слово начальника, одинъ взглядъ его! Какое блаженство быть начальникомъ и сознавать свою силу... Я женщина, но я понимаю это... я умѣла бы быть начальникомъ, я умѣла бы держать себя... я умѣла бы однимъ взглядомъ и убить, и оживить человѣка! Но мы, бѣдныя женщины, лишены этого счастья... Еще жена начальника... о, это много значитъ, особенно, если мужъ недалекъ... тутъ можно легко властвовать. Но каково сознавать себя умной, имѣть жажду, страсть къ власти, къ первенству, и быть женой человѣка подначальнаго и при томъ... *(Слышенъ звукъ подъѣзжающаго къ дому экипажа).* А, наконецъ пріѣхалъ... *(Смотритъ въ окно).* Онъ... *(Идетъ къ дверямъ, открываетъ ихъ и оста-*

навливается у нихъ). Мнѣ кажется, я съ перваго взгляда узнаю по лицу мужа: хорошо или худо... Впрочемъ нѣтъ, по лицу Флегонта Парменыча, пожалуй, ничего не узнаешь, кромѣ того: сытъ онъ, или голоденъ. Флегонтъ Парменычъ, сюда, сюда, я здѣсь, сюда иди.

Сыропустовъ (за сценой).

Погоди, матушка, только мундиръ сниму.

Сыропутова.

Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ... иди скорѣе сюда...

Сыропустовъ.

Дай только халатъ надѣну...

Сыропутова.

Да нѣтъ же, Боже мой, успѣешь... (Выскакиваетъ за дверь и тотчасъ же тащитъ за собою мужа). Какъ это тебѣ не стыдно: я съ ума схожу отъ безпокойства, а онъ... Ну, рассказывай... что? какъ?...

Сыропустовъ.

Погоди же... дай хоть эту аммуницію съ себя сброшу... я задыхаюсь совсѣмъ... (Хочетъ отстегнуть шпалу и не можетъ). Кузьма, Кузьма! поди, прими!

Сыропутова.

Да погоди, я сама... (Торопливо снимаетъ шпалу и отдаетъ вошедшему слугѣ). Ну, рассказывай...

Сыропустовъ (разстегивая мундиръ).

Уфъ, Боже мой, дай мнѣ присѣсть!

Сыропутова.

Ну, садись, садись...

Сыропустовъ (слугѣ).

Халатъ мнѣ сюда, коли такъ...

Сыропутова.

Да полно же, ради Бога... (Слугѣ). Не нужно... (Сыропустову). Будетъ входить сюда, помѣшаетъ... Неужели ты не можешь пяти минутъ подождать, чтобы только рассказать... (Слугѣ). Ступай отсюда, ничего не нужно... (Слуга уходитъ).

Сыропустовъ (жалобно).

Какъ, матушка, не нужно... помилуй, я и ѣсть и пить хочу съ этой муки... Часа, вѣдь, два дежурили...

Сыропутова.

Ну, я прикажу поскорѣе подать завтракъ, только ты расскажи мнѣ... (Подбѣгаетъ къ дверямъ и говоритъ въ нихъ). Приготовить барину поскорѣе завтракъ въ столовой!

Сыропустовъ (съ упрекомъ).

А ты еще и не приготовила... не позаботилась обо мнѣ?

СЫРОПУСТОВА.

До того ли мнѣ было... Я все время думала: что тамъ происходило у васъ... Ну, рассказывай же...

СЫРОПУСТОВЪ.

Да нечего рассказывать, ничего особеннаго не случилось... Измучился, больше ничего... Да еще на бѣду новые сапоги на дѣль... ногу жметъ правый, просто силъ нѣтъ... Позволь, хоть сапоги переменяю... Эй, Кузьма!

СЫРОПУСТОВА.

Что ты, хочешь ужь здѣсь сапоги снимать... Помилосердуй же ради Бога... Ну, что же онъ тебѣ сказалъ?

СЫРОПУСТОВЪ.

Да ничего...

СЫРОПУСТОВА.

Ну, а Зябликову?

СЫРОПУСТОВЪ.

Тоже ничего.

СЫРОПУСТОВА.

Ну, а Бубенчикову что?

СЫРОПУСТОВЪ.

Ничего.

СЫРОПУСТОВА.

И Звонищеву ничего?

СЫРОПУСТОВЪ.

И Звонищеву ничего.

СЫРОПУСТОВА.

Да съ кѣмъ же онъ говорилъ?

СЫРОПУСТОВЪ.

Да ни съ кѣмъ.

СЫРОПУСТОВА.

Не можетъ же быть, чтобы онъ ничего не сказалъ... Ну, хоть вообще что-нибудь говорилъ?

СЫРОПУСТОВЪ.

Вообще говорилъ...

СЫРОПУСТОВА.

Что же, что?... Ну, расскажи по порядку...

СЫРОПУСТОВЪ.

Ну, что тутъ: по порядку... Вышелъ, раскланялся... всѣ ему представились. Никому слова не сказалъ. Потомъ отступилъ назадъ, нахмурился и началъ: о — о, какъ же я тебя, чортъ тебя дери...

СЫРОПУСТОВА.

На кого это. на кого?

Сыропустовъ (съ сердцемъ).

Да ни на кого... просто жметъ...

Сыропустова.

Да кого же?

Сыропустовъ.

Да ногу жметъ... сапогомъ... Отпусти ты меня ради Бога... Я не могу... я этому сапожнику задамъ... (*Встаетъ и хочетъ идти*).

Сыропустова (*останавливая*).

Ты только расскажи мнѣ вкратцѣ, въ двухъ словахъ: о чемъ онъ вообще-то говорилъ?

Сыропустовъ (*идя къ дверямъ и прихрамывая*).

Да о многомъ: и о чести, и взяткахъ... и объ отечествѣ... и о сапогахъ... охъ ты, дьяволь!

Сыропустова.

Какъ о сапогахъ?... Что ты говоришь...

Сыропустова.

Пусти, матушка, пусти, я съ ума сойду... Послѣ все расскажу... Теперь не могу, какъ хочешь... (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Сыропустова (*одна*).

Вотъ положеніе умной жены у глунаго мужа... Тутъ надо бы знать все подробно, чтобы сообразить и потомъ дѣйствовать такъ, или иначе, а отъ него ничего добиться нельзя... Можетъ быть, и служба, и вся судьба на волоскѣ висятъ: нужно бы предупредить, отразить бѣду такъ, или этакъ, а онъ только и думаетъ объ ѣдѣ, да о снѣ... И пускай бы его, пожалуй: я не люблю, когда въ мои дѣла мѣшаются, я сама все съумѣю обдѣлать, да хотъ бы рассказалъ толкомъ, чтобы знать, что нужно дѣлать... Фу, Боже мой, какое скверное положеніе... Можетъ быть, каждая минута дорога... Что онъ такое, этотъ начальникъ?... изъ первыхъ словъ человѣка, вѣдь, сейчасъ все это видно; да какое! изъ перваго взгляда, изъ поклона, изъ манеръ... Что онъ такое? франтъ, любезникъ, или дѣлецъ?... что онъ: общество, развлечения любитъ, или кабинетныя занятія?... Какъ къ нему подойти: общественныя развлечения, или благодѣянія, пожертвованія на добрыя дѣла? чего онъ будетъ требовать, что больше въ его вкусъ?... Можетъ быть, кутило, можетъ быть, нравственный, христіанинъ хорошій?... Можетъ быть, невѣсту ищетъ, можетъ быть, жениться и не думаетъ, а

радъ будетъ такъ, на свободѣ?... Ничего, ничего не знаю!... Это просто, можетъ въ отчаяніе привести... Надо куда-нибудь ѣхать, узнать... Но куда же, къ кому?... Ко всѣмъ развѣ, по порядку?... (*Слышенъ звукъ подъѣхавшаго къ дому экипажа*). Ба, кто это, кого Богъ даетъ?... (*Смотритъ въ окно*). Хлюстиковъ и Бубенчиковъ... Ну, вотъ спасибо, вотъ утѣшилъ... Хлюстиковъ мнѣ лучше всѣхъ расскажетъ и разузнаетъ... онъ мнѣ всего нужнѣе... Это сама судьба, указаніе... Благодарю тебя, Боже!...

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Сыропустова и Хлюстиковъ.

Сыропустова (*при появленіи Хлюстиковъ*).

Ну, вотъ благодарю... это очень мило и любезно съ вашей стороны, что поторопились пріѣхать!

Хлюстиковъ.

Какъ же, Пальмира Карловна, я тотчасъ же, только забѣжалъ домой, скинулъ мундиръ, накиннулъ фракъ и сейчасъ же ко всѣмъ моимъ, къ вамъ первымъ... по дорогѣ захватилъ съ собой и Бубенчикова... Его приглашалъ Флегонтъ Парменычъ.

Сыропустова.

Гдѣ же онъ?

Хлюстиковъ.

Прошелъ въ кабинетъ къ Флегонту Парменычу, а я побѣжалъ къ вамъ.

Сыропустова.

Ну, и прекрасно... отъ него тоже немного добьешься толка, какъ и отъ мужа... Ну, рассказывайте же: какъ и что?...

Хлюстиковъ.

Ну, Пальмира Карловна, дождались наконецъ... Вотъ человѣкъ!... Какую онъ нотацію всѣмъ прочиталъ, какъ всѣхъ отхлесталъ, какія возвышенныя понятія, какой языкъ... говоритъ какъ... просто гениальный человѣкъ.

Сыропустова.

Неужели?

Хлюстиковъ.

Геній, просто геній!

Сыропустова.

Ну, погодите же... Вы знаете, я люблю порядокъ во всемъ... Порядокъ прежде всего... Рассказывайте мнѣ все по порядку...

Хлюстиковъ.

Ну, извольте... съ чего же прикажете начать?

Сыропустова.

Вопервыхъ, скажите мнѣ, отчего онъ пріѣхалъ уже съ недѣлю, а ни у кого не былъ до сихъ поръ, и пріему не дѣлалъ? Вы, не забудьте, я васъ тоже цѣлую недѣлю не видала, и потому почти совсѣмъ не знаю, что дѣлается въ городѣ...

Хлюстиковъ.

Не могъ быть, Пальмира Карловна... по своей должности не могъ... вѣдь вы знаете, я долженъ былъ каждую минуту быть готовъ... вдругъ потребуешь зачѣмъ-нибудь... а меня нѣтъ дома... нехорошо... А почему онъ пріема долго не дѣлалъ? я думаю, потому, что хотѣлъ отдохнуть съ дороги и устроиться: всю недѣлю въ домѣ была возня, переклеивали комнаты новыми обоями, вновь обивали мебель...

Сыропустова.

Это я слышала...

Хлюстиковъ.

Ну, а еще скажу вамъ, можетъ быть, и свѣдѣнія собиралъ подъ рукою...

Сыропустова.

Да чрезъ кого же? вѣдь онъ никого не принималъ?

Хлюстиковъ.

Хм... Чрезъ кого... А камердинеръ на что?... Камердинеръ ужасно гордъ, просто недоступенъ, а вездѣ по лавкамъ онъ закупалъ: должно быть, довѣренный человѣкъ, правая рука... А это вы слышали, что онъ три раза по вечерамъ самъ катался по городу?

Сыропустова.

Слышала.

Хлюстиковъ.

Ну, вѣдь не даромъ же... что-нибудь да высматривалъ же... Такой человѣкъ даромъ кататься не будетъ...

Сыропустова.

Можетъ быть, къ Бахрюковой ѣздилъ, какъ къ старой знакомой?

Хлюстиковъ.

Ну, нѣтъ-съ... Это я знаю навѣрно... у Бахрюковой-то не выгорѣло, ошиблась въ расчетѣ: два раза присылала человѣка съ письмомъ приглашать къ себѣ — даже къ человѣку не вышла и черезъ камердинера извинился, что не совсѣмъ здоровъ... и занять... нѣтъ-съ, Бахрюкова-то... *(вызываетъ губами)* провалилась... и вниманія обратить не хочетъ!

Сыропустова.

Неужели?

Хлюстиковъ.

Спросите всѣхъ.

Сыропустова (*съ торжествомъ*).

А-а, Конкордія Никтополоновна! рано очень заважничали и захвастали... (*Тихо смѣется*). Я говорила: увидимъ еще... Ну, а каковъ онъ собою? расскажите мнѣ...

Хлюстиковъ.

Очарователенъ. Ужасно красивъ. Улыбка привѣтливая, но взглядъ строгій... видно, что очень уменъ. А какъ говорить — это чудо! Когда онъ началъ: господа...

Сыропустова.

Погодите, погодите. До всего дойдемъ по порядку. Скажите: когда ему представлялись, со всѣми онъ былъ одинаковъ?

Хлюстиковъ.

Рѣшительно со всѣми: ни одному особеннаго слова не сказалъ, только на иныхъ взглядывалъ очень внимательно, на другихъ такъ, мелькомъ...

Сыропустова.

А какъ на Зябликова?

Хлюстиковъ.

Нехорошо... язвительно...

Сыропустова.

Значить, слышалъ?

Хлюстиковъ.

Навѣрно...

Сыропустова (*въ раздумь*).

Хм... Значить, онъ съ перваго раза никому не хотѣлъ показать своего мнѣнія о немъ?

Хлюстиковъ.

Да, дипломатъ, должно быть, тонкій... но сейчасъ видно, кто подъ сомнѣніемъ; я вамъ всѣхъ назову, кто опасенъ...

Сыропустова.

Кто же, кто?

Хлюстиковъ.

Первый: Зябликовъ...

Сыропустова.

Ну, они не боятся... Иванъ Яковлевичъ обѣщалъ ему выхлопотать мѣсто въ Петербургѣ...

Хлюстиковъ.

Звонищевъ опасенъ, только этотъ хитеръ: поддѣляется... правитель опасенъ, губернской архитекторъ опасенъ...

СЫРОПУСТОВА (*неряшливо*).

Ну, а мужъ?

Хлюстиковъ.

Онъ ничего, кажется... Одно только: генераль слегка улыбнулся взглянувъ на него... но не злобно... а такъ, знаете... комически...

СЫРОПУСТОВА.

Во всякомъ случаѣ, что же?.. Флегонтъ исправенъ въ службѣ, да и часть у него отдѣльная... Ну, теперь рассказывайте: что же онъ говорилъ вообще?

Хлюстиковъ.

Я вамъ представлю... Вотъ когда обошелъ всѣхъ, отошелъ такъ назадъ, всталъ въ позу и началъ: господа, я призванъ сюда... вы мои товарищи и помощники... всѣ мы призваны, господа... исполнять волю... законъ, господа, и честь отечества, господа... для насъ должны быть дороже всего... Каждая часть, порученная, господа... должна быть въ совершенствѣ — это нашъ долгъ, наша обязанность... О взяткахъ въ наше время прогресса я и упоминать не хочу... Но помните, господа, что на насъ лежатъ еще высшія обязанности... еще высшія обязанности, господа... Всѣ лица поставлены здѣсь, господа, чтобы охранять... порядокъ, господа... защищать обиженныхъ, руководить и... и... и просвѣщать... позвольте... и просвѣщать народъ...

СЫРОПУСТОВА.

Просвѣщать...

Хлюстиковъ.

Да... онъ потомъ много говорилъ о просвѣщеніи... Позвольте... (*Снова принимая позу*). Помните, господа... да... гм... да... Помните, господа, что не народъ для насъ, а мы для народа... Употребимъ, говорить, всѣ свои силы, чтобы быть ему полезнымъ... не только, говорить... не только, говорить, исполненіемъ обязанностей, но... но... но даже...

СЫРОПУСТОВА.

Что же?

Хлюстиковъ.

Позвольте, сейчасъ... Да, именно... Помните, говорить, господа, что народъ ждетъ отъ насъ пожертвованій...

СЫРОПУСТОВА (*встрепенувшись*).

Пожертвованій?..

Хлюстиковъ.

Да-съ... Позвольте... Мы должны всѣмъ жертвовать, а не только исполненіемъ обязанностей... А такъ ли мы посту-

паемъ?.. Таковъ ли у насъ судъ? таковы ли пути? что мы сдѣлали для развитія? много ли у насъ школъ? здѣсь нѣтъ даже женскихъ школъ.

СЫРОПУСТОВА.

Женскихъ школъ?

ХЛЮСТИКОВЪ.

Да, именно такъ и сказалъ... Отъ насъ ждутъ примѣра, господа, руководства, указанія... А мы, что мы дѣлаемъ?.. какъ мы служимъ?.. очищаемъ нумера... скрываемъ правду... проводимъ время... играемъ въ карты... Общество должно веселиться, господа, но дѣло... дѣло, общественная польза прежде всего...

СЫРОПУСТОВЪ (*сзади*).

Браво, браво... А вѣдь похоже представляеть, а!.. Никандръ Авдѣичъ?.. (*Хохочетъ*).

БУБЕНЧИКОВЪ.

Похоже... очень...

ХЛЮСТИКОВЪ (*сконфузившись*).

Ну, вотъ вы, Флегонтъ Парменычъ... Я и не слышу, что вы тутъ... Это я для Пальмиры Карловны... Они ихъ не видали... Я описывалъ...

СЫРОПУСТОВЪ.

Ничего, ничего, душа, хорошо... Если изъ службы выгонять, не пропадешь: ступай въ актёры... ха, ха, ха...

СЫРОПУСТОВА.

Нечему смѣяться... Я очень благодарна Виктору Ипатьичу: онъ мнѣ разсказалъ о томъ, чего я отъ тебя добиться не могла... Неужели же лучше лежать на боку, чѣмъ доставить удовольствіе дамъ?

СЫРОПУСТОВЪ.

Да я ничего... Я вѣдь отъ души смѣюсь, съ похвалою, матушка, а не то, что въ пику, или для осужденія... Мы тамъ порядкомъ закусили, на душѣ сдѣлалось повеселѣе: вотъ я и смѣюсь... Викторъ Ипатьичъ, не хотите ли закусить?.. Не сердись, душа... я вѣдь не хотѣлъ обидѣть... пожалуйста! (*Протягиваетъ руку Хлюстикову*).

ХЛЮСТИКОВЪ (*беря руку Сыропустова*).

Да что вы, помилуйте: я нисколько не разсердился... мнѣ только совѣстно стало, что вы застали меня такъ...

СЫРОПУСТОВА.

Нечего тутъ совѣститься, напротивъ, очень мило и любезно съ вашей стороны, что разсказали мнѣ... Я теперь имѣю понятіе о новомъ начальникѣ: какъ онъ прекрасно говорил!

Бубенчиковъ.

Говориль-то онъ хорошо, Пальмира Карловна... Каково-то намъ-то придется отъ него...

Сыропустова.

А я по всему думаю теперь, что ничего худого не будетъ... Видно, что онъ человѣкъ умный, образованный и не будетъ такъ, даромъ, преслѣдовать слушающихъ.

Бубенчиковъ.

Дай-то Богъ. А признаться сказать: онъ давеча такого страха, такого тумана напустилъ, что я и... и разсудить ничего не могъ... И не поймешь, чего отъ тебя хотятъ: службы ли, или чего другаго... Выгнать ли тебя хотятъ или нравоученіе только дѣлаютъ... Ухъ, какое начальство стали нынче присылать... бѣда! Мало того: служи, ѣзди въ присутствіе утромъ, а еще и вечеромъ, когда дѣлать нечего, тоже, говоришь, старайся! просвѣщай, дѣйствуй для общественной пользы... А какъ?... неизвѣстно... Нѣтъ, меня что-то не радуешь... Неизвѣстно, что будетъ.

Сыропустова.

А вотъ мы посмотримъ, подумаемъ.

Бубенчиковъ.

Подумайте, Пальмира Карловна, вы у насъ всехъ умнѣе... Подумайте, а мы съ васъ перенимать станемъ... (*Вздыхаетъ*). О, боже мой, прощайте.

Сыропустова (*въ глубокомъ раздумь*).

Прощайте.

Бубенчиковъ (*подавая руку Сыропу-
стову, тихо*).

Прощайте... Золотая она у васъ голова... вы за ней, что за каменной стѣной. (*Уходитъ*).

Хлюстиковъ.

Прощайте, Пальмира Карловна.

Сыропустова (*размышляя*).

Погодите... Вы сказали: онъ говорилъ просвѣщеніе... школы... нѣтъ женскихъ школъ?

Хлюстиковъ.

Да-съ... говорилъ: вотъ извольте спросить, и Флегонтъ Парменичъ слышали.

Сыропустова (*оживляясь*).

Да, да... (*Хлюстикову*) Ну, поѣзжайте съ Богомъ... Да по дорогѣ скажите тамъ моему человѣку, чтобы мнѣ сейчасъ же лошадей подали.

Хлюстиковъ.
Сію минуту-съ.. Прощайте. (*Торопливо раскланивается и уходитъ*).

Сыропустовъ (*сонливо*).
Ты что еще, Пальмибочка, затѣваешь?.. Смотри, душенька, не промахнись... или не запутайся.

Сыропустова (*съ достоинствомъ*).
Что?.. Я?.. Я запутаюсь?.. (*Презрительно*). Поди-ка спать... Ты совсѣмъ дремлешь. (*Уходитъ*).

Сыропустовъ.
И въ правду дремлю. Что-жь, я никого не обидѣлъ. Наше дѣло: покушанюшки, да и баньки... Ничего... безъ вреда ближнему... насъ Богъ проститъ! (*Засыпаетъ сидя въ креслахъ*).

Комната въ квартирѣ Канюкина.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Прелестный и Канюкина.

Прелестный.
И вамъ не стыдно смѣяться надъ моимъ чувствомъ, надъ чувствомъ самымъ священнымъ въ человѣческомъ организмѣ!

Канюкина.
Но что же дѣлать, если это чувство неумѣстно...

Прелестный.
Неумѣстно?.. Почему?..

Канюкина.
Потому что ни къ чему не поведетъ.

Прелестный.
Но это отъ васъ зависитъ, Лизавета Александровна: вы можете спасти человѣка, сдѣлать его счастливымъ на всю жизнь, или погубить навсегда.

Канюкина.
Ничего я тутъ не могу сдѣлать, потому что ваше чувство не-
позволительно.

Прелестный.
Непозволительно? .. ха, ха... Развѣ есть что-нибудь непозволительное въ явленіяхъ природы?.. развѣ воленъ человѣческій организмъ въ своихъ потребностяхъ?... Неужели вашъ мужъ, который представляетъ изъ себя современнаго, либеральнаго человѣка, проповѣдуетъ вамъ такія отсталыя идеи?

Канюкина.
Такъ вы всего лучше объяснитесь объ этомъ съ моимъ му-

жемь... Можетъ быть, онъ имѣеть на этотъ счетъ иной взглядъ... (*Тихо смѣется*).

Прелестный.

Вы опять смѣетесь!

Канюкина.

Да что же мнѣ прикажете дѣлать: плакать, что ли?

Прелестный.

Да, конечно, лучше плакать, чѣмъ смѣяться... Вы заставляете страдать, мучиться, горѣть на медленномъ огнѣ того человѣка, который до встрѣчи съ вами не зналъ ни горя, ни страданія въ жизни; вы убили во мнѣ всю энергію, всю вѣру въ жизнь... Я былъ полонъ возвышенныхъ стремленій, я хотѣлъ посвятить всего себя на пользу общества, народа...

Канюкина.

Даже тогда, какъ танцовали со мной у тетушки? (*смѣется*).

Прелестный (*вскочивъ*).

Но это жестоко, Лизавета Александровна, это неблагородно: издѣваться надъ человѣкомъ за то только, что онъ имѣлъ несчастіе полюбить васъ! Скажите мнѣ прямо, что я вамъ отвратителенъ, что вы меня презираете, и я буду знать, какъ распорядиться съ собою; я, не задумавшись, погублю себя, принеся свою жизнь въ жертву какой либо высокой идеи... Потому-что переносить эти страданія я болѣе не въ силахъ! Ну, скажите же прямо, что вы меня презираете, что вы питаете ко мнѣ фізіологическое отвращеніе... и я готовъ погибнуть!

Канюкина.

Нѣтъ, я не хочу, чтобы вы чрезъ меня и такъ преждевременно погибли, да и не могу говорить того, чего не чувствую... Я не питаю къ вамъ ни отвращенія, ни презрѣнія... напротивъ!

Прелестный (*схватывая руку Канюкиной*).

Лизавета Александровна!

Канюкина (*тихо освобождая свою руку*).

Что-съ?..

Прелестный.

Договаривайте же... Не скрывайтесь, выскажитесь поскорѣе... дайте мнѣ хоть минуту блаженства...

Канюкина.

Да вы мнѣ не дали договорить.

Прелестный.

Ну, я молчу... Вы сказали: напротивъ... Что же?..

КАНЮКИНА.

Напротивъ, я даже уважаю васъ... Но люблю только мужа...

ПРЕЛЕСТНЫЙ (*ероша волосы*).

Мужа... только мужа!.. Вздоръ, быть не можетъ... Вы не можете любить этого человѣка. Въ немъ нѣтъ ничего, что могло бы увлекать женщину! Онъ слишкомъ холоденъ, сухъ... да и некрасивъ... Въ васъ говоритъ противъ меня только предразсудокъ супружеской вѣрности!

КАНЮКИНА.

Вы, я вижу, Вадимъ Прокофьевичъ, очень мало знаете моего мужа и женское сердце... Увѣряю васъ, что моимъ мужемъ не только можно увлечься, но можно любить его самой крѣпкой любовью!

ПРЕЛЕСТНЫЙ.

Да, мѣщанской любовью, безъ огня, безъ восторговъ, безъ упоенія... но не тѣмъ страстнымъ, жгучимъ обожаніемъ, котораго требуетъ ваша порывистая натура!

КАНЮКИНА.

Да съ чего вы выдумали, что у меня порывистая натура... вы ошибаетесь: я самая обыкновенная женщина, именно способная только на мѣщанскую любовь, какъ вы говорите...

ПРЕЛЕСТНЫЙ.

Да, потому что вашъ мужъ не умѣетъ разбудить въ васъ чувствъ... потому что онъ спитъ въ васъ, притупленная той душевной сферой, въ которой заперъ васъ вашъ мужъ...

КАНЮКИНА.

Такъ отчего же вы-то, такой пылкій человѣкъ, не можете разбудить во мнѣ этихъ спящихъ чувствъ?.. Ужъ, кажется, какъ стараетесь, а они все не просыпаются... (*сметая*). Я все попрежнему продолжаю любить моего добраго, тихаго Васю...

ПРЕЛЕСТНЫЙ (*презрительно*).

Васю... добраго Васю! Не произносите при мнѣ этого имени! Я ненавижу его... Я презираю вашего мужа всѣми силами моей души!

КАНЮКИНА.

Г. Прелестный, не слишкомъ ли сильно вы выражаетесь о хозяинѣ того дома, въ которомъ васъ принимаютъ, какъ хорошаго знакомаго? Не попросить ли васъ удалиться?

ПРЕЛЕСТНЫЙ.

Я не могу иначе выразиться о моемъ злѣйшемъ врагѣ, который заграждаетъ дорогу къ моему счастью...

*

Канюкина.

И предъ которымъ вы всегда такъ тихи, скромны и любезны, когда онъ самъ на лицо...

Прелестный.

И вы не понимаете, что это дѣлалось только для того, чтобы видѣть васъ? Я пожималъ ему руку, я угождалъ ему, а въ душѣ у меня всегда клокоталъ адъ... Не думаете ли вы, что я его боюсь? Скажите слово, и я уничтожу его передъ вашими глазами!

Канюкина.

Напротивъ, я не только не скажу этого слова, но попрошу васъ сейчасъ же уйти и не приходите болѣе, если вы намѣрены вновь такъ неприлично выражаться при мнѣ о моемъ мужѣ. Не угодно ли вамъ... (*Указываетъ на двери*).

Прелестный.

Ну, простите меня... Я сумасшедшій... Я обезумѣлъ отъ любви къ вамъ. (*Бросается на стулъ и закрываетъ лицо руками*).

Канюкина.

Я не знала, что вы склонны къ сумасшествію, а то я давно бы перестала васъ принимать.

Прелестный (*вскакивая и подходя къ Канюкиной*).

Ну, умоляю васъ, Лизавета Александровна, не гнѣвайтесь же, простите меня!

Канюкина.

Только съ условіемъ, чтобы впередъ припадки сумасшествія не повторялись въ моемъ домѣ.

Прелестный.

Ну, протяните же мнѣ вашу ручку, дайте мнѣ дотронуться до нея въ знакъ нашего примиренія... Я даю вамъ слово никогда, ничего не говорить про вашего мужа... Ну, дайте же мнѣ вашу ручку.

Канюкина.

Это лишнее, потому что я замѣчала, какъ вы дотронетесь до моей руки, такъ и заговорите чепуху...

Прелестный.

Эхъ, Лизавета Александровна, не знаете вы, или не хотите понять, что вы для меня значите: въ васъ вся моя жизнь, вся моя будущность, вы единственная и постоянная цѣль всей моей жизни.

Канюкина (*насмѣливо*).

Да, въ теченіе цѣлыхъ трехъ недѣль, считая съ нашей пер-

вой встрѣчи. Какое постоянство! Посмотри-ка, пожалуста, который часъ?

Прелестный (*смотря на часы*).

Почти два часа... Еще одинъ день вонъ изъ жизни. (*Вздыхаетъ и беретъ фуражку*). Прощайте, Лизавета Александровна!

Канюкина.

Куда же вы, погодите: сейчасъ мужъ придетъ.

Прелестный.

Оттого-то я и ухожу... Я не могу сегодня съ нимъ встрѣтиться... Я слишкомъ взволнованъ... Прощайте!

Канюкина.

Прощайте! (*Подаетъ ему руку*).

Прелестный.

Но только до свиданія, а не на всегда... Помните, Лизавета Александровна: вы смѣтаете, что прошло только еще три недѣли, но впереди цѣлая жизнь... Вы не знаете меня: я не уступлюсь отъ васъ и не уступлю васъ никому... Я буду слѣдить за каждымъ вашимъ шагомъ... Вы выгоните меня изъ дома, я буду стоять около вашей квартиры... Я буду слѣдовать за вами всюду, какъ вѣчный укоръ вашей совѣсти, какъ погубленное вами существованіе!

Канюкина (*смѣется*).

Ну, вотъ правду ли я сказала, что какъ вы дотронетесь до моей руки, такъ и заговорите чепуху! (*Входитъ Канюкинъ*).

А вотъ и Вася...

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тѣ же и Канюкинъ.

Канюкинъ.

А, г. Прелестный! мое почтеніе...

Прелестный.

Здравствуйте-съ и прощайте.

Канюкинъ.

Какъ прощайте?.. Что это вы, батюшка... только что хозяинъ

возвратился домой, вы и вонъ... Точно на тайное свиданіе съ

хозяйкой приходите сюда...

Прелестный (*сконфузившись*).

Что это вы... Къ чему такъ... Я уже простился съ Лизаветой Александровной и шель домой.

Канюкинъ.

Ты смотри, у меня, Лиза, не измѣни мнѣ.

Прелестный (*оправившись и прибодрясь*).

А что же вы, ревнивый Отелло... и не вѣрите вашей женѣ?...

Канюкинъ.

Да, вѣдь, военные люди, говорятъ, опасны для женщинъ...

Прелестный.

Мнѣ кажется, вы оскорбляете Лизавету Александровну, думая, что ее можетъ соблазнить одинъ военный мундиръ!

Канюкинъ.

Да подъ мундиромъ-то у васъ марсовское, пылкое сердце... (*Канюкинъ тихо смѣется*). А гдѣ же намъ, мирнымъ статскимъ, состязаться съ вами... Долго ли до бѣды: пожалуй, и увлечется... и жену потеряешь!

Прелестный.

А вы что же, смотрите на женщину, какъ на вещь, на которую можно имѣть право собственности?

Канюкинъ.

Умныя рѣчи приятно и слушать... только я вовсе не желалъ бы, чтобы моя жена полюбила когонибудь больше, чѣмъ меня...

Прелестный (*язвительно*).

Слѣдовательно въ теоріи одно, а на практикѣ другое: въ теоріи свобода, а на практикѣ — рабство и ревность... Или вы держитесь еще старыхъ, отжившихъ убѣжденій?

Канюкинъ.

А вы, на счетъ женскаго вопроса, теоретикъ или практикъ?

Канюкина. (*смѣясь*)

Нѣтъ, больше теоретикъ... Но что же ты задерживаешь Вадима Прокофьича, онъ торопился домой... Когда же вы опять къ намъ, Вадимъ Прокофьичъ?

Прелестный.

Не могу вамъ сказать-съ... Постараюсь... если позволите...

Канюкина.

Приходите, когда вздумается, если вамъ не скучно съ нами...

Прелестный.

Помилуйте... Мнѣ всегда приятно... Я боюсь только помѣшать... (*Останавливается, приискивая выраженіе*).

Канюкинъ.

Нашему семейному счастью, что-ли?.. Нѣтъ, этого не бойтесь.

Канюкина.

Вася, вѣдь, пошутить...

Прелестный (*раскланивается, кидая на Канюкину выразительные взгляды; къ Канюкину*):

До свиданія... Въ другой разъ, на досугѣ, позвольте мнѣ поговорить съ вами по этому вопросу.

Канюкинъ.

По какому?... По поводу вашего ухаживанія за моей женой?

Прелестный (*вспыхнувъ*).

Нѣтъ... Что вы все шутите... А по женскому вопросу вообще...

Канюкина.

А, съ удовольствіемъ: такого знатока дѣла, какъ вы, мнѣ всегда пріятно послушать...

Прелестный.

Нѣтъ, мнѣ хотѣлось бы знать вашъ образъ мыслей и поспорить съ вами... мнѣ кажется, мы не сойдемся... во многомъ...

Канюкинъ.

Чего мудренаго... очень можетъ быть... Я вѣдь этимъ предметомъ мало занимался, а вы, вѣроятно, специалистъ по этой части.

Прелестный.

Да, я и читалъ довольно много... и самъ размышлялъ...

Канюкинъ.

Ну, такъ вотъ видите... Очень, очень пріятно когда-нибудь... послѣ-обѣда... (*Къ женѣ*). А что, мой ангелъ, скоро мы будемъ обѣдать?

Прелестный.

До свиданія...

Канюкинъ.

До свиданія-съ.

Канюкина.

Прощайте, Вадимъ Прокофичъ. (*Прелестный уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Канюкинъ съ женою.

Канюкинъ.

Какъ тебѣ не надоѣсть, Лиза, возиться съ этимъ господиномъ?

Канюкина.

Да вѣдь скучно, Вася, одной, а онъ забавляетъ меня, придетъ, такъ я до сыта въ душѣ нахохочусь, а иногда, безъ зазрѣнія совѣсти, и прямо въ глаза.

К а н ю к и н ъ .

Удивляюсь... я бы умеръ съ тоски въ бесѣдѣ съ нимъ.

К а н ю к и н а .

Да тебѣ хорошо говорить: удивляюсь. Ты всегда въ людяхъ, а я вѣчно одна. Ты находишь удовольствіе въ книгахъ, а я въ нихъ ничего не понимаю. Знакомыхъ никого не заводишь... Тебя никогда дома нѣтъ... Вѣдь скучно!

К а н ю к и н ъ .

Вѣтреная ты головушка! Неужели ты думаешь, мнѣ весело возиться съ ребятишками? Да что же дѣлать, коли взялся за это ремесло...

К а н ю к и н а .

Отчего же ни съ кѣмъ меня не знакомишь? Одна тетушка, да и къ той одинъ разъ только выпросилась у тебя на большой вечеръ...

К а н ю к и н ъ .

Радость ты моя, да что же дѣлать, коли грошей нема? Заводить знакомства, нужно хоть какую-нибудь приличную обстановку, а что я сдѣлаю на 600-то рублей... Какое здѣсь ни плюгавое общество, а тебѣ же не понравится, какъ будутъ смѣяться, да пальцами показывать на твой туалетъ... Вотъ ужъ ненавижу частныхъ уроковъ, а только бы попались, не отказываюсь, собираю рубли, чтобы какъ-нибудь получше обставиться... А много ли здѣсь добудешь: не Петербургъ! Вотъ насилу-насилу сколотилъ деньжонокъ, чтобы расплатиться за твое бальное платье, что для тетушкинаго вечера шила...

К а н ю к и н а .

Такъ что же ты, Вася, я давно тебѣ говорю: должности ты своей не любишь, постоянно отъ нея боленъ, разстроены, дохода отъ нея мало... Отчего же ты не перемѣнишь ее, не возьмешь другой?

К а н ю к и н ъ .

Какой же это другой, милая моя головка?... *(Цалуетъ жену)*. Кто же мнѣ ее дастъ, гдѣ это я возьму ее?

К а н ю к и н а .

А попросилъ бы хорошенько тетю, или дядю: они бы выхлопотали...

К а н ю к и н ъ *(нахмурившись)*.

Ну, ужъ, Лиза, это старая пѣсня, которую ты, пожалуйста, не заводи... Твою тетушку я никогда ни о чемъ просить не буду, особенно за себя.

К а н ю к и н а .

А, право, она, Вася, добрая: она только любить, чтобы ее

уважали, потому что она привыкла къ всеобщему почтенію... И еслибъ ты только...

КАНЮКИНЪ.

Ну, ну, Лиза, оставь, пожалуйста... Ужь этого ты отъ меня никогда не вынудишь... не серди меня...

КАНЮКИНА (обнимая мужа).

Ну, не сердись, не сердись! Я больше не стану. (Цалуетъ его). Вѣдь я люблю тебя за эту гордость, что ты не хочешь никому кланяться. Это вѣдь мнѣ нравится въ тебѣ, только мнѣ жалко тебя, что ты такъ мучишься, работаешь, а денегъ у тебя все мало, и ты горюешь объ этомъ. Да ну, бросимъ этотъ разговоръ... Расскажи мнѣ лучше: не слыхалъ ли чего-нибудь новенькаго!

КАНЮКИНЪ.

Какія здѣсь могутъ быть новости... Весь городъ теперь только и говоритъ, что о новомъ начальникѣ.

КАНЮКИНА.

Что же говорятъ?

КАНЮКИНЪ.

Да и не разберешь ничего: кто хвалить, кто бранить: одни говорятъ, что чуть не съ неба звѣзды хватаетъ; другіе говорятъ, что дуракъ набитый и службы не понимаетъ; кто толкуетъ, что онъ здѣсь все вверхъ дномъ перевернетъ, другіе— что все по старому останется, а третьи ужъ, по обыкновенію, несутъ совсѣмъ чепуху, что онъ цѣлую недѣлю по городу перодѣтый ходилъ по лавкамъ и по кабакамъ, и что даже залѣзалъ на соборную колокольню и училъ дьячка, какъ звонить надо.

КАНЮКИНА (расхохотавшись).

Ну, что врешь!

КАНЮКИНЪ.

Право, нашъ учитель чистописанія, знаешь, Пестрянкинъ, большой охотникъ звонить, и всю пасху на колокольняхъ проводитъ, такъ тотъ вполне этому вѣрить: увѣряетъ, что въ одинъ день самъ слышалъ на соборной колокольнѣ особенный звонъ, и жалѣетъ очень, что не залѣзъ на нее, а то бы, говорить, и съ начальникомъ познакомился, да еще и поспорилъ бы съ нимъ, какъ звонить надо. (Оба смѣются).

КАНЮКИНА.

Ну, расскажи, что еще говорятъ?

КАНЮКИНЪ.

Да что же еще?... Больше, право, ничего не знаю...

Служанка (вбѣгая).
Барынька, ваша тетинька-генеральша пріѣхали... Что дѣ-
лать-то?

Канюкина.
Ну, такъ поди же, встрѣчай...

Канюкинъ.
Вотъ тебѣ тетушка всѣ новости городскія расскажетъ: она
все знаетъ. Про меня скажи, что я сплю...

Канюкина.
Да куда же ты? Погоди, нехорошо... побудь съ нами!

Канюкинъ.
Ну ее, не хочу! что мнѣ тутъ дѣлать! Обѣдать только по-
мѣшали. (Уходитъ).

Канюкина.
Экой ты, Вася, какой! Поневолѣ она не будетъ располо-
жена къ тебѣ... Ну, Богъ съ тобой! (Идетъ на встрѣчу Сыро-
пустовой и встрѣчаетъ ее въ дверяхъ).

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Канюкина и Сыропустова.

Канюкина.
Ахъ, тетя, душенька! какъ я вамъ благодарна, что вы насъ
вспомнили! (Цалуетъ ее).

Сыропустова.
Здравствуй, моя милушка... Здорова ли? (Садится).

Канюкина.
Здорова, тетя... Благодарю васъ.

Сыропустова.
А Василій Иванычъ дома?

Канюкина.
Дома, только... извините, тетя... онъ пришелъ съ уроковъ,
очень усталъ и легъ спать... только что уснулъ.

Сыропустова.
Жалко... Я хотѣла бы его видѣть.

Канюкина.
Если вы прикажете, ma tante, я его разбужу... (Нертими-
тельно). Правда, что онъ спитъ очень крѣпко, и нескоро
добудишься... и если встанетъ, такой всегда угрюмый со сна...
Да это ничего... я разбужу...

Сыропустова.
Нѣтъ, не торопись: я подожду... посижу, поговорю съ то-

бой, а между тѣмъ, и онъ, можетъ быть, проснется. Развѣ ужъ вы обѣдали?

КАНЮКИНА.

Нѣтъ еще, тетя.

СЫРОПУСТОВА.

Ну, такъ къ обѣду будешь же его будить... я до тѣхъ поръ и посижу.

КАНЮКИНА.

Ахъ, какой вы ангель, ma tante... добрая!

СЫРОПУСТОВА.

Ну, какъ же ты поживаешь? Чтò подѣлываешь?

КАНЮКИНА.

Да ничего особеннаго, тетя. Чтò же мнѣ дѣлать? Пошью, почитаю, поиграю на фортепiano... да скверное такое фортепiano, и играть не хочется... Ну, а когда мужъ дома и свободенъ, такъ съ нимъ поболтаю... Вотъ и все мое дѣло.

СЫРОПУСТОВА.

Да вѣдь Василья Иваныча часто не бываетъ дома?

КАНЮКИНА.

Да, часто, тетя; онъ, бѣдный, очень занятъ: все на урокахъ...

СЫРОПУСТОВА.

А ты одна, дѣтей нѣтъ, знакомыхъ мало... вѣдь скучаешь, я думаю?

КАНЮКИНА.

Ахъ, скучно, ma tante! Иной разъ очень бываетъ скучно, особенно, когда его нѣтъ... Не знаешь, какъ и время убить...

СЫРОПУСТОВА.

Такъ тебѣ бы надо, мой другъ, занятіе посерьезнѣе шитья, да игранья на фортепiano. Въ нашъ вѣкъ безъ дѣла какъ-то и неприлично даже... Да тебѣ, должно быть, и передъ мужемъ стыдно: онъ трудится, работаетъ и день, и ночь, а ты ничего не дѣлаешь...

КАНЮКИНА.

Да что же я буду дѣлать, тетя? научите... я бы рада.

СЫРОПУСТОВА.

Да какъ не найти дѣла въ наше время, помилуй? Да вотъ кстати: я устраиваю благотворительный дамскій комитетъ... для народнаго просвѣщенія... чтобы открывать женскія школы для бѣдныхъ дѣвочекъ... Мы всѣ, дамы, соединяемся, и кто хочетъ — жертвуетъ деньги, а кто принимаетъ на себя сборъ пожертвованій... и разныя тамъ хлопоты... и другихъ членовъ принимаемъ... даже мужчинъ... Я съ своей стороны

жертвую триста рублей, чтобы на первый разъ открыть хоть небольшую школу для приходящихъ дѣвушекъ. Вотъ не хочешь ли принять на себя должность учительницы? конечно, даромъ, изъ благотворительности... А впрочемъ, если Василій Ивановичъ не позволитъ даромъ, такъ-какъ вы люди небогатые, то можно даже и жалованье положить, если пожелаешь.

К а н ю к и н а .

Ахъ, нѣтъ, тетя, онъ позволитъ, и не захочетъ, чтобы я жалованье брала. Только чему же я буду учить? музыку развѣ?

С ы р о п у с т о в а .

Нѣтъ, тамъ музыки не будетъ... Гдѣ же для бѣдныхъ... съ музыкой! Это будетъ школа первоначальная... такъ, первоначальныя правила... Дѣла немного... Какой-нибудь часъ въ сутки... а между тѣмъ, благотвореніе, общественная польза... для молодой женщины это очень похвально. Ты первая покажешь примѣръ другимъ, заслужишь общее уваженіе, будешь членомъ нашего комитета, и даже, можетъ быть, тебя, какъ первую, изъявившую это благое желаніе, выберутъ въ начальницы, или въ почетныя попечительницы школы... Я думаю, что мужъ твой не будетъ имѣть ничего противъ такого высокаго и благороднаго занятія.

К а н ю к и н а .

Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, ma tante, онъ непременно согласится съ удовольствіемъ, и будетъ вамъ очень благодаренъ.

С ы р о п у с т о в а .

Да меня-то за что же благодарить? Это тебя будутъ благодарить тѣ бѣдные родители, для которыхъ ты будешь благодѣтельницами! А твой мужъ, мнѣ кажется, только будетъ еще больше любить тебя и восхищаться тобой, какъ женщиной, посвящающей себя общей пользѣ... Я такъ думаю...

К а н ю к и н а .

Тетя, я въ восторгѣ отъ этого... Я очень рада, что... могу приносить хоть какую-нибудь пользу.

С ы р о п у с т о в а .

Какъ это, право, удивительно... во всѣхъ этихъ предпріятіяхъ... благотворительныхъ! какъ будто провидѣніе именно ведетъ и управляетъ... указываетъ и людей и средства... для добраго дѣла! Напримѣръ, сегодня... я заѣхала къ тебѣ совершенно случайно; мнѣ и въ голову не приходила мысль заговорить съ тобой объ этомъ предметѣ... Признаюсь, хоть я и очень люблю тебя, но, по молодости и веселости твоей, никакъ не предполагала, чтобы ты взялась за такое благое дѣло съ такой радостью и готовностью... А между

тѣмъ, вотъ... какъ будто само провидѣніе указало мнѣ тебя... изъ случайнаго визита и разговора что выходитъ?... Удивительно! (*Благоговѣнно подымаетъ глаза и вздыхаетъ*). Я тебѣ скажу еще болѣе: здѣсь двойное указаніе промысла... мнѣ сейчасъ это пришло въ голову... Вѣдь твой Василій Ивановичъ, въ этомъ дѣлѣ, можетъ быть намъ такъ полезенъ, какъ никто! Впрочемъ, на него-то, кажется, я напрасно рассчитываю: онъ, кажется, не очень расположенъ ко мнѣ, и не захочетъ принять участіе въ нашемъ дѣлѣ... хоть, правда, это дѣло и не мое, а общественное...

КАНЮКИНА.

Нѣтъ, тетя, вы напрасно такъ думаете. Онъ очень уважаетъ васъ. Что такое, вы скажите: я съ нимъ поговорю.

СЫРОПУСТОВА.

Вотъ видишь что, мой другъ. Нужно написать проектъ, представить всѣ соображенія, всю пользу, которую мы намѣрены принести, и написать уставъ и программу нашей будущей школы... А кто же можетъ это сдѣлать лучше Василья Иваныча? Все, вѣдь, это нужно очень хорошо выразить и объяснить, чтобы и новый начальникъ, когда ему будетъ представлено, увидѣлъ, какое это полезное предпріятіе...

КАНЮКИНА.

Погодите же, ma tante, я его разбужу и вытащу сюда: мы его заставимъ сдѣлать. (*Подбѣгаетъ къ дверямъ въ сосѣднюю комнату и отворяетъ ихъ*). Тетя, да онъ ужь проснулся и сидитъ тутъ, притаился. Выходи-ка, выходи, соня, здѣсь тетя и желаетъ тебя видѣть...

СЫРОПУСТОВА.

Не сердитесь, Василій Ивановичъ, я не виновата въ томъ, что беспокою васъ... Я не хотѣла васъ тревожить: это ваша благовѣрная...

КАНЮКИНЪ (*изъ другой комнаты*).

Извините: я сію минуту. (*Выходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

ТѢ ЖЕ И КАНЮКИНЪ.

КАНЮКИНЪ.

Здравствуйте Пальмира Карловна.

КАНЮКИНА.

Ты давно проснулся?

КАНЮКИНЪ.

Такъ, нѣсколько минутъ...

К а н ю к и н а .

Такъ, можетъ быть, слышалъ хоть немножко, что тетьа говорила?

К а н ю к и н ъ .

Да, немного слышалъ, но не совсѣмъ понялъ...

К а н ю к и н а .

А слышалъ, что я поступаю въ учительницы, а можетъ быть, буду и начальницей училища? Слышалъ, или нѣтъ? Отвѣчай сейчасъ, неблагодарный!

С ы р о п у с т о в а .

Погоди, шалуныя... Вы позволите мнѣ объяснить вамъ, Василій Ивановичъ, наши намѣренія?

К а н ю к и н ъ .

Признаюсь вамъ, Пальмира Карловна, я проснулся тотчасъ, какъ вы пріѣхали, и слышалъ весь вашъ разговоръ съ Лизой, но не хотѣлъ выходить потому, что ужасно усталъ, и вслѣдствіе этого боялся быть недостаточно любезнымъ...

С ы р о п у с т о в а .

Ну, что же вы скажете о нашемъ предпріятіи?

К а н ю к и н ъ .

Намѣреніе доброе, только, извините, я полагаю, что изъ него ничего не выйдетъ...

С ы р о п у с т о в а .

Почему это?

К а н ю к и н ъ .

Да вопервыхъ потому, что вообще у насъ, на Руси, всѣ благотворительныя предпріятія не удаются: сначала мы принимаемся очень горячо, а потомъ скоро устаемъ, охлаждаемся и бросаемъ начатое дѣло... Вовторыхъ, все вѣдь это дѣлается изъ моды, а не изъ искренняго убѣжденія, не изъ горячей потребности сердца.

С ы р о п у с т о в а .

Благодарю за комплиментъ...

К а н ю к и н ъ (спохватившись).

Я говорю не о васъ, а вообще...

С ы р о п у с т о в а .

Я и не сержусь, зная, что вы, какъ современный человѣкъ, готовы все отрицать, но тоже не изъ моды ли только... Впрочемъ, не будемъ спорить... я васъ спрошу только: изъ какого бы источника ни происходило доброе дѣло, слѣдуетъ ли ему помогать, или слѣдуетъ мѣшать?

К а н ю к и н а .

Разумѣется, помогать изъ всѣхъ силъ, особенно, если въ

немъ принимаетъ участіе собственная жена. Слышишь, Вася, я непременно хочу, чтобъ ты написалъ тотъ проектъ, который требуетъ тетя... Слышишь: непременно, потому что я хочу быть учительницей... хочу приносить пользу...

КАНЮКИНЪ (засмѣявшись).

Ну вотъ, что это будетъ за школа, въ которой наставницей явится такая коза?

КАНЮКИНА.

Ахъ, скажите! Пожалуйста, буду не хуже тебя! Дѣти меня будутъ любить, родители благословлять... и я сама буду счастлива, что дѣлаю доброе дѣло...

КАНЮКИНЪ.

На недѣлю, пока не надоѣсть.

СЫРОПУСТОВА.

А вы поддержите, руководите ее... Простите меня за откровенность: а почему же бы и вамъ самимъ не посвятить хоть два часа въ недѣлю на бесплатный урокъ... я знаю, что вы и безъ того устаєте отъ вашихъ занятій, но за то ваше участіе ужъ, конечно, упрочило бы наше предпріятіе...

КАНЮКИНЪ.

Въ этомъ случаѣ быть любезнымъ и обѣщать очень легко и удобно, потому что, я увѣренъ, тутъ ровно ничего не выйдетъ.

СЫРОПУСТОВА.

Такъ вы даете мнѣ слово на ваше участіе, если состоится школа?

КАНЮКИНЪ.

Извольте.

СЫРОПУСТОВА.

Слышишь, Лиза?... Будь свидѣтелемъ... Ну, Василій Ивановичъ, вы увидите, что школа будетъ: я не изъ тѣхъ людей, которые отступаютъ отъ своихъ намѣреній... Не даромъ же, говорятъ, во мнѣ есть нѣмецкая кровь... Ну, а проектъ и программу школы вы напишете?

КАНЮКИНА.

Да какъ же... Разумѣется, напишетъ, потому что даль вѣдь ужъ вамъ слово.

СЫРОПУСТОВА.

Прошу васъ только побольше о дурномъ состояніи нашего женскаго просвѣщенія и о томъ, что мы желали бы содѣйствовать усиліямъ правительства... Это для начальства, знаете, нужно... И попрошу васъ еще: напишите какъ можно поскорѣе...

К а н ю к и н ь .

Хорошо-съ... Постараюсь.

С ы р о п у с т о в а .

Ну, благодарю васъ.

К а н ю к и н а .

Вотъ видите, тетя: какой онъ у меня милый... Я вамъ говорила, что онъ сама добродѣтель...

С ы р о п у с т о в а .

Теперь я убѣждаюсь, что по наружности судить нельзя, что въ человѣкѣ, повидимому, въ самомъ холодномъ и равнодушномъ, иногда скрывается больше теплоты и чувства, нежели въ томъ, кто хочетъ представить себя и добрымъ и чувствительнымъ... Простите меня: я ошибалась въ васъ, Василій Ивановичъ, но вы сами отталкивали меня своею холодностью и гордостью! (*протягиваетъ ему руку*).

К а н ю к и н ь (*беретъ руку и молча раскланивается*).

С ы р о п у с т о в а .

Однако, я задержала васъ: вамъ пора обѣдать... Вотъ, когда будетъ готовъ проектъ, такъ ты пріѣзжай ко мнѣ, Лиза, и мы съ тобой съѣздимъ, познакомимся съ нашими членами... Платья параднаго не надѣвай, а такъ, приличное, всего лучше черное, или темное, шелковое... Вѣдь эти визиты будутъ по дѣлу, слѣдовательно, парадиться очень не нужно... Но, какъ женщина, совѣтую тебѣ одѣться къ лицу: мнѣ лестно будетъ представлять тебя, мою племянницу, какъ нашего главнаго члена, да еще и такую красотку... Ну, до свиданія. (*Цалуетъ ее*). Прощайте, Василій Ивановичъ... Еще разъ спасибо, что откликнулись на наше предпріятіе. Прощайте. (*Уходитъ. Лиза ее провожаетъ*).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

К а н ю к и н ь и К а н ю к и н а .

К а н ю к и н а (*возвращаясь*).

Ну, что, Вася, согласишься, что ты несправедливъ былъ относительно тети... Она просто ангель!

К а н ю к и н ь .

Съ хвостикомъ...

К а н ю к и н а .

Какъ остро! Послушай, Вася, я ужасно этого не люблю въ тебѣ... Какъ только кто-нибудь мнѣ нравится, съ кѣмъ мнѣ

только весело, кто меня приласкаетъ... ты сейчасъ того начинаешь бранить...

КАНЮКИНЪ.

Ну, что же ты сердисься... Вѣдь я обѣщалъ сдѣлать все, что приказывала твоя тетушка, чего жь тебѣ еще?

КАНЮКИНА (*ласкаясь къ мужу*).

Ну, да; за это ты умникъ; а зачѣмъ же ты ее бранишь... я этого въ тебѣ терпѣть не могу!

КАНЮКИНЪ.

Ну, ну, хорошо, не стану... Куда это она еще хочетъ везти-то тебя?

КАНЮКИНА.

А мнѣ что за дѣло: куда захочетъ, туда и поѣду... Хоть къ самому губернатору, я и къ тому поѣду... Я никого не боюсь!

КАНЮКИНЪ.

Фу, какая храбрая! Да я не про страхъ говорю.

КАНЮКИНА.

А про что же?... Ты думаешь, что я не съумѣю держать, что ли, себя... Ну, ужь не бойся! Твоя Лиза не ударитъ себя лицомъ въ грязь, даромъ, что мало выѣзжаю...

КАНЮКИНЪ.

Да въ этомъ-то я не сомнѣваюсь.

КАНЮКИНА.

Такъ въ чемъ же еще? Новаго платья шить не надо: въ старомъ поѣду.

СЛУЖАНКА (*высовывая голову*).

Да будете вы сегодня обѣдать-то, или нѣтъ? вѣдь, супъ-то совсѣмъ перепрѣлъ!

КАНЮКИНЪ.

Идемъ, идемъ.

Занавѣсъ падаетъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Комната въ квартирѣ Канюкина.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

КАНЮКИНА и ПЕСТРЯНКИНА.

ПЕСТРЯНКИНА.

Ну, душечка, Лизавета Александровна, ангелочекъ мой, расскажите же подробно и откровенно: какъ все было, какъ вы

пріѣхали къ генералу, какъ онъ васъ принялъ и что говорилъ, все, все расскажите мнѣ откровенно... Вѣдь вы съ тетенькой ѣздили, или однѣ?

КАНЮКИНА.

Разумѣется, съ тетей... съ какой же стати я одна поѣду?

ПЕСТРЯНКИНА.

Ну, да, да, я такъ и слышала, что съ тетенькой... поэтому... по дѣлу... по школѣ... что тетенька открываетъ... Ну да, ну да, я знаю, я такъ и слышала... Ну, какъ же онъ васъ встрѣтилъ?

КАНЮКИНА.

Ничего, очень привѣтливо, вѣжливо... Пригласилъ къ себѣ въ кабинетъ...

ПЕСТРЯНКИНА.

Въ кабинетъ?

КАНЮКИНА.

Да. Ну, просилъ садиться.

ПЕСТРЯНКИНА.

Садиться попросилъ!... ахъ, Боже мой!... Какой же, однако, деликатный... Ну, и что же? Вы сѣли?

КАНЮКИНА.

Разумѣется, сѣла... Ну, тетенька стала ему рассказывать свои намѣренія насчетъ школы, и что вотъ она жертвуетъ... а я буду учительницей даромъ...

ПЕСТРЯНКИНА.

Даромъ?

КАНЮКИНА.

Да, я даромъ буду учить!

ПЕСТРЯНКИНА.

Только вы однѣ будете учить?... Больше никому нельзя?

КАНЮКИНА.

Отчего же нельзя: вотъ и мужъ будетъ учить...

ПЕСТРЯНКИНА.

Тоже даромъ?

КАНЮКИНА.

Да... Тутъ всякому будутъ рады и благодарны, потому что это благотвореніе... Вотъ не хотите ли и вы учить?

ПЕСТРЯНКИНА.

Ахъ; я бы очень хотѣла... только не знаю, чему: я ничего не знаю, не такъ воспитана... Вотъ развѣ мужъ... Ну, ну, душенька, что же потомъ?... я все васъ перебиваю...

КАНЮКИНА.

Ну, онъ былъ очень доволенъ, наговорилъ комплиментовъ,

особенно мнѣ: разспрашивалъ, за кѣмъ я замужемъ, давно ли? Просилъ, чтобъ и его приняли въ нашъ комитетъ членомъ...

ПЕСТРЯНКИНА.

Членомъ?

КАНЮКИНА.

Да... Что онъ принимаетъ въ нашемъ дѣлѣ живѣйшее участие и будетъ содѣйствовать изъ всѣхъ силъ... Пожалъ намъ руки, просилъ позволенія пріѣхать ко мнѣ, чтобы познакомиться съ мужемъ...

ПЕСТРЯНКИНА.

Познакомиться... Ахъ, Боже мой... душечка, какая вы счастливая!... Да, впрочемъ, вы и стоите того: этакая красотка... Ну, и что же, неужели пріѣдетъ въ самомъ дѣлѣ?

КАНЮКИНА.

Кто же знаетъ: не знаю; по крайней-мѣрѣ, обѣщаль.

ПЕСТРЯНКИНА.

И вы его примете, если пріѣдетъ?

КАНЮКИНА.

Разумѣется, примемъ... Отчего же не принять?

ПЕСТРЯНКИНА.

Да, вы такія смѣлыя, воспитанныя... и пофранцузски знаете... А я, кажется, ни за что бы... Какъ-то страшно... А что онъ, каковъ изъ себя? говорятъ, еще молодой человѣкъ...

КАНЮКИНА.

Да, не старшій.

ПЕСТРЯНКИНА.

И красивъ... изъ себя... лицомъ?

КАНЮКИНА.

Да, недурень.

ПЕСТРЯНКИНА.

А вы не знаете, душенька, отчего у него такая странная фамилія: Краснокалачный...

КАНЮКИНА.

Какъ отчего?... У отца была такая фамилія: Краснокалачный... Ну, и у него.

ПЕСТРЯНКИНА.

Да, да, конечно... Только странно: генераль... и вдругъ Краснокалачный... Странно какъ-то... Согласитесь...

КАНЮКИНА.

А по моему что жъ тутъ страннаго... мало ли какія бываютъ фамиліи?

ПЕСТРЯНКИНА.

Да, да, конечно, только это должно быть какая нибудь зна-

менитая фамилія, потому что я слыхала: чѣмъ фамилія проще, тѣмъ и человекъ, значить, проще, то-есть, значить, изъ низкаго званія... а чѣмъ мудренѣе, тѣмъ значительнѣе... У нихъ, которые значительнаго происхожденія, всегда бываютъ этакія мудренныя фамиліи, что и не поймешь, что значить. Вотъ, на примѣръ, у насъ здѣсь: вотъ Бахрюкова... что значить Бахрюкова? ничего не значить, даже странно... а она, говорятъ, очень значительнаго происхожденія... А вотъ, на примѣръ: Бубенчикова... сейчасъ и слышно... Или я, на примѣръ, Пестрянкина... Кто же этого не пойметъ? Ахъ, Боже мой... Ну, а въ кабинетѣ у него хорошо?

Канюкина.

О, вся квартира великолѣпно отдѣлана... Да еще бы...

Пестрянкина.

Ахъ, Боже мой, да, конечно... Ну, значить, Василій Ивановичъ отъ насъ уйдетъ?

Канюкина.

Какъ уйдетъ?

Пестрянкина.

Такъ... другое мѣсто получить... Генераль ему непременно дастъ хорошее мѣсто...

Канюкина.

Вотъ еще... Съ какой это стати?

Пестрянкина.

А вотъ увидите... тогда вспомните меня... Тогда и насъ по старому знакомству не забудьте: мужу ужасно бы хотѣлось по другой части служить... да мѣстовъ нѣтъ... А что наша за служба?... Ни повышенія, ничего... и въ обществѣ никакого нѣтъ уваженія... жалованье небольшое... Только и привлекаетъ одинъ пенсіонъ... Такъ скоро ли до него дотянешь!

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тѣ же и Хлюстиковъ.

Хлюстиковъ (*расшаркиваясь*).

Позвольте представиться, Лизавета Александровна, Хлюстиковъ, чиновникъ особыхъ порученій.

Канюкина.

Очень пріятно. Прошу васъ.

Хлюстиковъ.

Я имѣлъ честь видѣть васъ у вашей тетеньки Пальмиры Карловны, но не имѣлъ счастья быть вамъ представленъ...

КАНЮКИНА.

Да, я, кажется, встрѣчалась съ вами.

ХЛЮСТИКОВЪ.

Да-съ, какъ-же-съ... Я у вашей тетеньки очень хорошо принятъ; можно сказать, какъ свой человѣкъ... Мнѣ бы хотѣлось имѣть честь познакомиться также съ вашимъ супругомъ.

КАНЮКИНА.

Его нѣтъ дома.

ХЛЮСТИКОВЪ.

Ахъ, это очень жалко.

КАНЮКИНА.

Вы имѣете дѣло къ нему?

ХЛЮСТИКОВЪ.

Нѣтъ, собственно дѣла не имѣю... но я желалъ представить-ся и... предупредить... сообщить... конечно, это столько же касается васъ... и какъ хозяйки дома, можетъ быть, болѣе... (*Взглядываетъ на Пестрянкину*).

ПЕСТРЯНКИНА.

Можетъ быть, вамъ что по секрету нужно переговорить, такъ я отойду... да я, пожалуй, въ другую комнату уйду. (*Встаетъ*).

ХЛЮСТИКОВЪ.

Нѣтъ, помилуйте...

ПЕСТРЯНКИНА.

Извольте, извольте говорить... Я выйду... Подслушивать не стану... Извольте говорить... Я вотъ здѣсь посижу въ другой комнатѣ.

ХЛЮСТИКОВЪ.

Да не безпокойтесь, пожалуйста.

ПЕСТРЯНКИНА.

Ничего, ничего-съ... Мы свои люди... Извольте говорить... (*Уходитъ въ сосѣдную комнату*).

ХЛЮСТИКОВЪ.

Да напрасно онѣ... тутъ нѣтъ никакого секрета... Вотъ видите, кромѣ моего желанія представиться вамъ, я счелъ долгомъ предупредить... Сегодня генераль изволили спрашивать о вашей квартирѣ и, кажется, намѣрены были у васъ быть.

КАНЮКИНА.

Очень вамъ благодарна... Генераль самъ лично просилъ у меня позволенія познакомиться.

ХЛЮСТИКОВЪ.

Я очень знаю-съ... Вы, можетъ быть, не изволили замѣтить: я находился въ сосѣдней комнатѣ, когда вы съ тетенькой были у его превосходительства, потому я всегда долженъ находиться

при ихъ особѣ, какъ чиновникъ особыхъ порученій... Поэтому я и поспѣшилъ... Притомъ Анна Львовна... онѣ очень меня любятъ, я даже считаю ихъ своею благодѣтельницею... я сейчасъ былъ у нихъ... онѣ тоже къ вамъ собираются и совѣтовали мнѣ поскорѣе съѣздить предупредить васъ... о намѣреніи его превосходительства... Вы извините меня, если...

КАНЮКИНА.

Ахъ, что вы, помилуйте... Это очень любезно съ вашей стороны. Я вамъ очень благодарна.

ХЛЮСТИКОВЪ.

Я еще хотѣлъ сообщить вашему супругу. (*Оглядывается*).

КАНЮКИНА.

Что такое?

ХЛЮСТИКОВЪ.

Это пока секретъ... и потому я опасаюсь...

КАНЮКИНА.

Да, вѣдь, никого нѣтъ: говорите...

ХЛЮСТИКОВЪ.

А, можетъ быть, эта дама?...

КАНЮКИНА.

Я не думаю, чтобы она стала подслушивать... А впрочемъ... (*Идетъ къ дверямъ въ сосѣднюю комнату и быстро ихъ открываетъ вмѣстѣ съ Пестрянкиной, которая вистла на ручку дверей*).

ПЕСТРЯНКИНА (*испуганно и сконфузившись*).

Ахъ... А я... я думала... я шла... думала, что ужъ все!

КАНЮКИНА.

А я пошла-было извиниться передъ вами, что вы тамъ одни, и спросить васъ, не хотите ли вы хоть почитать что-нибудь, пока?

ПЕСТРЯНКИНА.

Нѣтъ, нѣтъ, душечка, ничего. Вы не думайте: я не подслушивала. Я хотѣла только спросить, не кончили ли вы, а вы вдругъ и отворили... Я такъ испугалась... Я ужъ пойду домой, мнѣ пора... Прощайте, душечка! прощайте, ангелочикъ.

КАНЮКИНА.

Да куда же вы?

ПЕСТРЯНКИНА.

Нѣтъ, ужъ мнѣ пора... Я вѣдь на минутку къ вамъ... И то засидѣлась... Прощайте, душечка! (*Далуется*).

КАНЮКИНА.

Извините, пожалуйста, Маргарита Федоровна.

ПЕСТРЯНИКИНА.

Ахъ, что вы это, душечка, что вы... Я нисколько не въ претензіи... Мнѣ, право, пора домой... Прощайте-съ... *(Дѣлаетъ книксенъ Хлюстикову, цалуетъ еще разъ Канюкину и уходитъ).*

ХЛЮСТИКОВЪ.

Кто эта дама-съ?

КАНЮКИНА.

Это жена нашего учителя чистописанія.

ХЛЮСТИКОВЪ.

А-а... Какъ онѣ попались-съ! *(Смѣется).*

КАНЮКИНА.

Да, она любитъ немножко заниматься сплетнями.

ХЛЮСТИКОВЪ.

Какъ вы ихъ ловко... онѣ такъ на дверяхъ и вылетѣли... *(Смѣется).* Это можно даже въ комедіи представить... Вы такъ это неожиданно, что я даже не ожидалъ... *(Смѣется).*

КАНЮКИНА.

Такъ вы что же хотѣли передать мнѣ по секрету?

ХЛЮСТИКОВЪ.

Вотъ видите: это только, прошу васъ, между нами, потому это еще одно только предположеніе... Я такъ преданъ вашей тетенькѣ... Но только, пожалуйста, никому...

КАНЮКИНА.

Будьте увѣрены.

ХЛЮСТИКОВЪ.

Вотъ видите: генераль очень недовольны, какъ видно, ст рымъ правителемъ... даже прямо выражали ему: вы, говорятъ, старой школы, у васъ все отзвывы, да отписки, а мнѣ, говорятъ, нужно живое дѣло... администраторъ, говорятъ, не писать долженъ, а дѣйствовать... а вы, говорятъ, только затемняете и запутываете дѣло вашими бумагами... Генераль вѣдь замѣчательно говорятъ, какъ книга, геніальный человекъ... такого начальника у насъ не бывало... Я смотрѣть не могу на нихъ безъ благоговѣнія... Просто геній... Не правда ли? Какъ вы нашли?..

КАНЮКИНА.

Да, видно, что онъ очень уменъ...

ХЛЮСТИКОВЪ.

А любезность какая, ласковость, когда хотятъ поощрить... Тутъ они одного чиновника такъ тронули, что онъ зарыдалъ, какъ малый ребенокъ, почти безъ чувствъ вывели.

КАНЮКИНА.

Отчего это?

Хлюстиковъ.

Отъ чувствъ-съ... тронули очень. Удивительный геній.

КАНЮКИНА.

Такъ вы не договорили о правителѣ...

Хлюстиковъ.

Нѣтъ-съ, я все сказалъ... Видно, что не усидить на мѣстѣ... Я хотѣлъ только предупредить объ этомъ васъ и вашего супруга... Это мѣсто чудесное... можно сказать, первое послѣ начальника... правая рука... жалованье большое и квартира казенная... А, какъ видно, у генерала никого нѣтъ въ предметѣ для этой должности... Обыкновенно, начальники правителей съ собой привозятъ, даже впередъ присылаютъ... но никого не видно и не слышно... Да и естественно: генералъ человѣкъ новый, при томъ изъ военныхъ... здѣсь еще никого не знаютъ... а на эту должность нужно человѣка вѣрнаго и преданнаго... На эту должность всякій бы польстился, да не всякому удастся ее получить...

КАНЮКИНА (*размышляя*).

Гм... да... Ну, вѣроятно, генералъ и выберетъ для нея человѣка опытнаго и знающаго.

Хлюстиковъ.

Да на кого же онъ можетъ положиться изъ здѣшнихъ, прежнихъ, вы сами подумайте... Ни на кого не можетъ: всякій можетъ продать... Смотри да и смотри за нимъ въ оба, а это начальнику тяжело... А знаній и опыта... тутъ не нужно: помощники все сдѣлаютъ... Конечно, и оно не мѣшаетъ... Но главное, чтобы былъ умъ и образованіе у человѣка, да хорошую канцелярію подобрать, а у насъ, слава Богу, бѣдныхъ и честныхъ чиновниковъ довольно: есть изъ кого выбрать... тутъ и университетскіе съ удовольствіемъ пойдутъ.

КАНЮКИНА.

Гм-да... только признаюсь вамъ: я въ этомъ ничего не понимаю.

Хлюстиковъ.

Нѣтъ-съ, я вѣдь, только такъ, чтобы предупредить... на всякій случай... А про Бахрюкову вы ничего не изволили слышать?

КАНЮКИНА.

Нѣтъ, а что?

Хлюстиковъ.

Ахъ, уморительно! Она нахвастала всѣмъ, что генералъ ея

старый знакомый и даже намекала, что онъ женится на ея племянницѣ, а онъ даже и визиту ей до сихъ поръ не сдѣлалъ... Сердится, говорятъ, злится, ругаетъ генерала на чемъ свѣтъ стоитъ (*смѣется*). Я ее не люблю. Я у нея не бываю... Но это преуморительно: нахвастала и ничего нѣтъ! (*смѣется*).

1-й голосъ за сценой.

Такъ что же, дома?

2-й голосъ, служанки за сценой.

Да дома, дома.

1-й голосъ.

Такъ доложи...

2-й голосъ служанки.

Да чего докладать, всѣхъ велѣли звать сегодня.

Хлюстиковъ (*вскакивая*).

Ахъ, кто это? (*подбѣгаетъ и заглядываетъ въ двери*). А, человекъ Анны Львовны! (*Къ Канюкиной*) Прикажете просить?

КАНЮКИНА.

Ахъ, пожалуйста.

Хлюстиковъ (*за дверь*).

Проси. (*Къ Канюкиной*) Прелестнѣйшая эта старушка, Анна Львовна... предобрѣйшая... Она мнѣ говорила, что вы изволили быть у нея съ тетенькой и она очень васъ полюбила: очень вы ей понравились... Позвольте, я пойду встрѣчу.

КАНЮКИНА.

Будьте добры... Моя прислуга такая глупая.

Хлюстиковъ.

Я сейчасъ... Помилуйте, съ удовольствіемъ. (*Уходитъ*).

КАНЮКИНА (*улыбаясь*).

Какъ неожиданно мнѣ Богъ друзей посылаетъ (*смотрится въ зеркало и охорашивается*).

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

ТѢ ЖЕ И АННА ЛЬВОВНА.

АННА ЛЬВОВНА.

Здравствуйте, моя красоточка!

КАНЮКИНА.

Здравствуйте, Анна Львовна. Благодарю, что навѣстили меня. Я и не ожидала, чтобы вы побезпокоились... Прошу васъ...

АННА ЛЬВОВНА.

Нѣтъ, дай сначала поцаловать тебя (*цалуетъ ее*). Извините старуху, что я попросту... Я такъ привыкла...

КАНЮКИНА.

Что вы, Анна Львовна, я считаю за большую честь для себя вашу ласку и вниманіе.

АННА ЛЬВОВНА.

Ну, коли такъ, такъ позволъ ужь мнѣ съ тобой быть по-просту, а жеманныхъ я не люблю... Ну, ты, Хлюстиковъ, что вертисься со шляпой: ѣхать что ли куда собираешься?

ХЛЮСТИКОВЪ.

Да, мнѣ нужно.

АННА ЛЬВОВНА.

Ну, такъ поѣзжай, скачи... я знаю: у тебя дѣлъ много. (*Къ Канюкиной*) Онъ вамъ не нуженъ?

КАНЮКИНА (*смущенно*).

Нѣтъ... я не смѣю удерживать... но мнѣ очень пріятно...

АННА ЛЬВОВНА.

Да ты, мать моя, съ нимъ не церемонься: онъ паренекъ услужливый... Коли нужно что — поручи: онъ сдѣлаетъ.

КАНЮКИНА.

Нѣтъ, я не имѣю ничего...

АННА ЛЬВОВНА.

Ну, а нѣтъ, такъ отпусти его... Ему тоже время дорого... Не всѣ еще пороги обиль...

ХЛЮСТИКОВЪ (*смѣясь*).

Ахъ, Анна Львовна, вѣчно шутятъ... счастливый у васъ характеръ! Прощайте, Лизавета Александровна. Считаю за особенное удовольствіе, что имѣлъ честь познакомиться съ вами... До свиданія...

КАНЮКИНА.

До свиданія. Прошу не забывать насъ. Мужу будетъ очень пріятно. (*Хлюстиковъ раскланивается и уходитъ*).

АННА ЛЬВОВНА.

А гдѣ же твой мужъ?

КАНЮКИНА.

Его нѣтъ дома, на службѣ.

АННА ЛЬВОВНА.

Ну, и Богъ съ нимъ. Пускай работаетъ, трудится. Это ихъ мужское дѣло. А квартирка-то, мать моя, у тебя нехороша, не по тебѣ: этакому розанчику нужно бы понаряднѣе жить. Что же, мало мужъ зарабатываетъ, или скупъ, что-ли?

КАНЮКИНА.

О, какое скупъ, Анна Львовна, онъ ничего не жалѣетъ: онъ изъ послѣднихъ силъ готовъ работать для меня... да плоха его должность: много ли учитель можетъ получить!

А Н Н А Л Ь В О В Н А .

Ну, ничего, еще молоды, время не ушло: Богъ дастъ и поправитесь, и мѣсто лучше получить... пословица говоритъ: у Бога всего много... А если вамъ когда будетъ нужда въ деньгахъ, ты ко мнѣ обратись, я ссужу тебя съ удовольствіемъ...

К А Н Ю К И Н А .

Ахъ, благодарю васъ, Анна Львовна... Какія вы добрыя!

А Н Н А Л Ь В О В Н А .

Коли есть, такъ отчего же не подѣлиться?... Даромъ не дамъ, безъ процентовъ — это нечего и говорить, это баловство: всякій рубль долженъ свою копейку наживать, а въ нуждѣ помогу съ удовольствіемъ... это ты, на случай помни... мало ли какія бываютъ въ жизни обстоятельства: изъ-за нужды въ деньгахъ люди топятся и рѣжутся... Ну, ты и помни, что у тебя есть къ кому обратиться: Анна Львовна не откажетъ и не обидитъ тебя...

К А Н Ю К И Н А .

Благодарю васъ, Анна Львовна... Если будетъ когда крайняя надобность...

А Н Н А Л Ь В О В Н А .

Да... ты и мужу скажи... Что дѣлать-то... помогать надо... мнѣ здѣсь весь городъ кругомъ долженъ... Вотъ и бывший начальникъ, Иванъ Яковлевичъ, тоже часто нуждался въ деньгахъ, а кто выручалъ? Анна Львовна!... Ну, съ него-то, я только казенные брала, потому дружны мы съ нимъ были... И теперь еще долженъ остался: боюсь, не пропали бы... Думаю, попросить новаго начальника: принялъ бы во мнѣ участіе... Да вотъ еще жду: надо посмотреть, что за человѣкъ... Онъ тебѣ понравился?

К А Н Ю К И Н А .

Очень, Анна Львовна, такой любезный, внимательный, деликатный...

А Н Н А Л Ь В О В Н А .

Ну, это хорошо... давай Богъ... Про тебя-то я слышала: мнѣ тетенька твоя рассказывала, да и другіе тоже, что ты произвела на него очень большое впечатлѣніе... Да и не мудрено: я этому повѣрю... И я на тебя залюбовалась, какъ ты пріѣзжала тогда ко мнѣ съ теткой: одѣта просто, а къ лицу... все къ лицу, до послѣднихъ пустикавъ... Это вкусъ! это молодую женщину рекомендуетъ!... Я молодыхъ и хорошенькихъ очень люблю... И у тебя тонъ есть... Тебѣ бы барыней быть большой: вотъ твоя судьба, а не женой учителя... Одѣть бы тебя въ бархатъ, шелкъ, да кружева и посадить въ богатой

гостиной, на штофную мебель, — ну, картинка, любоваться можно!

КАНЮКИНА.

Полноте, Анна Львовна, вы такъ захвалили меня, что мнѣ даже стыдно...

АННА ЛЬВОВНА.

Чего жь стыдиться: я правду говорю... Всякій скажетъ, что тебѣ эта бѣдная обстановка не пристала, не по твоей красотѣ... Поцалуй-ка меня (*цалуетъ ее*). Ну, да ничего... твое будущее еще впереди и отъ тебя самой зависеть... Вотъ мужа твоего не знаю: никогда не видала, что онъ за человѣкъ!

КАНЮКИНА.

Онъ чудесный человѣкъ, Анна Львовна: добрый, честный; вы полюбите его, когда узнаете.

АННА ЛЬВОВНА.

Не знаю... Ты его очень, видно, любишь?...

КАНЮКИНА.

Безъ памяти.

АННА ЛЬВОВНА.

Гм... А красивъ?...

КАНЮКИНА.

Говорять, не очень, но мнѣ нравится.

АННА ЛЬВОВНА.

Гм... А характера какого?

КАНЮКИНА.

Онъ тихой, добрый, честный...

АННА ЛЬВОВНА.

Гм... Честный... Можетъ, горячъ, задоренъ... Я слыхала: они строптивы бываютъ, эти молодые люди изъ ученыхъ... Много о себѣ думаютъ... Онъ не ревнивъ?

КАНЮКИНА.

О, нѣтъ, нѣтъ.

АННА ЛЬВОВНА.

Ну, это хорошо. Жалко, что не видала его...

КАНЮКИНА.

Я къ вамъ его привезу, если позволите.

АННА ЛЬВОВНА.

А развѣ ты можешь заставить его сдѣлать то, чего ему не хочется?

КАНЮКИНА.

Почти всегда: онъ мнѣ ни въ чемъ отказать не можетъ.

АННА ЛЬВОВНА.

Ну, это хорошо... этимъ женщинѣ нужно пользоваться съ

умомъ и съ толкомъ: въ пустякахъ уступать, въ важномъ настаивать... Привези, коли поѣдетъ безъ принужденія, а по неволѣ не нужно: неласковыхъ гостей я не люблю (*входитъ Прелестный*). Ну, вотъ къ тебѣ кто-то пришелъ... Прощай.

КАНЮКИНА (*кивая головой Прелестному*).

Не торопитесь, Анна Львовна: можетъ быть, скоро мужъ придетъ; а мнѣ бы такъ пріятно было его вамъ представить...

АННА ЛЬВОВНА.

Ну, пускай ко мнѣ пріѣдетъ, если захочетъ, а мнѣ пора... Я хотѣла только тебя навѣстить... Не забывайте же, что я тебѣ говорила: слова старухи, которая тебѣ добра желаетъ, надо помнить... Ну (*цалуетъ Канюкину*). Прощай (*уходитъ Канюкина ее провожаетъ*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

КАНЮКИНА И ПРЕЛЕСТНЫЙ.

ПРЕЛЕСТНЫЙ.

Какъ попала къ вамъ эта мегера?

КАНЮКИНА.

Почему же это мегера? Она очень добрая старушка...

ПРЕЛЕСТНЫЙ.

Да, добрая для тѣхъ, кто ей нуженъ: я слыхаль про нее... всѣмъ въ городѣ даетъ въ займы, у кого есть какая нибудь собственность, а наши офицеры ходили занимать, такъ только обругала: чѣмъ, говорить, вы платить-то будете, солдатской крупой, что ли?... вотъ какая змѣя!

КАНЮКИНА.

Что же, она и права. (*Усмѣхается*).

ПРЕЛЕСТНЫЙ.

Права?... Что же, между нами нѣтъ честныхъ людей, что ли?

КАНЮКИНА.

Я этого и не сказала.

ПРЕЛЕСТНЫЙ.

Эхъ, Лизавета Александровна.

КАНЮКИНА.

Ну, что еще?

ПРЕЛЕСТНЫЙ.

Ничего... Все притворство, все фразы... никакого отголоска на честное, искреннее чувство!

КАНЮКИНА.

Опять старая пѣсня... Вы мнѣ до смерти надоѣли... хоть бы вы что нибудь новенькое выдумали.

Прелестный *(мрачно)*.

Я сегодня съ новостью пришелъ.

Канюкина.

Слава Богу, насилу-то... Съ какой же это?

Прелестный.

Я ее сообщу вашему мужу.

Канюкина.

Вотъ какъ!... А не мнѣ?...

Прелестный.

И вамъ, если хотите; только для васъ это не новость.

Канюкина.

То новость, такъ не новость *(звываетъ)*. Тоска съ вами...

Прелестный.

Да конечно, гдѣ же намъ! *(хохочетъ)*.

Канюкина *(пренебрежительно)*.

Это что еще значить?

Прелестный.

Ничего-съ...

Канюкина.

Охота же была говорить то, что ничего не значить, да еще и смѣяться надъ этимъ...

Прелестный *(двусмысленно)*.

Положимъ...

Канюкина.

Ну-съ, однако, это въ самомъ дѣлѣ скучно... Если вамъ угодно видѣть моего мужа, то прошу васъ пожаловать въ другой разъ, когда онъ будетъ дома, а теперь прошу васъ меня оставить... мнѣ хочется быть одной.

Прелестный *(насмѣливо)*.

Одной? Почему же это?

Канюкина.

Да хоть потому, что мнѣ просто скучно съ вами... Прежде вы меня забавляли, а теперь до смерти надоѣли.

Прелестный.

Я забавлялъ?... я надоѣлъ?... вотъ какъ!... неужели же вы думаете, что если вы допустили закрасться въ мою душу тому чувству, которое...

Канюкина.

Ахъ, Боже мой, я это слышала ужъ тысячу разъ... и въ тысяча первый прошу васъ: оставьте меня, пожалуйста, уйдите!

Прелестный.

А знаете вы, что я пришелъ сообщить вашему мужу?

КАНЮКИНА (*отворачясь*).

Нѣтъ, не знаю.

Прелестный.

А знаете, что говорить про васъ въ городѣ?

КАНЮКИНА.

Не знаю, да и знать не хочу.

Прелестный.

Ну, такъ я вамъ скажу... Говорятъ, что вы ѣздили къ новому начальнику выставлять себя на показъ, что вы любезничали, кокетничали съ нимъ и старались его завлечь изъ скверныхъ, грязныхъ цѣлей...

КАНЮКИНА (*приподнимаясь съ интвомъ*).

Вонъ отсюда и не смѣйте вновь являться! Я съ вами больше незнакома... убирайтесь...

Прелестный.

Лизавета Александровна, простите меня! Умоляю васъ, простите ради Бога... Вы чисты, вы святы... я теперь это вижу... но эта проклятая ревность не даетъ мнѣ покоя! Я бѣсновался, я чуть не застрѣлилъ себя, когда это услышалъ... Вы не знаете, что вы такое для меня... Вы не знаете, что я каждый часъ, каждую минуту только и...

КАНЮКИНА.

Все знаю, все это слышала... и вновь вамъ говорю: вы мнѣ смѣшны, вы мнѣ противны... Уходите пожалуйста.

Прелестный.

А-а, вы сказали это роковое слово! вы сказали! я вамъ смѣшонъ! я вамъ противенъ! Прощайте, Лизавета Александровна... Помните человѣка, который васъ любилъ, который вамъ былъ преданъ и котораго вы погубили (*рыдаетъ*). Прощайте... прощайте, Лизавета Александровна!

КАНЮКИНА.

Прощайте, прощайте... только уходите, пожалуйста!

Прелестный.

Я долженъ погибнуть... Мнѣ не перенести этого!

КАНЮКИНА.

Ну, и погибайте, если хотите: это ваше дѣло... только уходите...

Прелестный.

И вамъ не стыдно, вамъ не совѣстно... Человѣкъ, который жилъ, дышалъ только вами, который готовъ былъ всего себя принести въ жертву вамъ... вы такъ оскорбляете, унижаете этого человѣка... Неужели вы думаете, что еслибы не ваша очаровательная красота, я могъ бы вынести это оскорбленіе, это

униженіе?.. Развѣ вы не знаете, какъ я былъ гордъ, самолюбивъ, какъ я вѣрилъ въ себя...

КАНЮКИНА.

Вотъ наказаніе! Уйдете ли вы погибать? (*хохочетъ*).

ПРЕЛЕСТНЫЙ.

И она же смѣется, она же...

СЛУЖАНКА (*вбѣгая*).

Барынька, барынька! пріѣхалъ, пріѣхалъ!

КАНЮКИНА.

Кто?

СЛУЖАНКА.

Самъ пріѣхалъ, этотъ самый начальникъ, большущій генералъ...

КАНЮКИНА.

Ну, такъ скажи, что дома, проси.

ПРЕЛЕСТНЫЙ.

А — а такъ это правда, это не клевета! О — о, такъ я не погибну! Моя жизнь еще нужна, чтобы отмстить вамъ... Мы еще увидимся... Не бойтесь: съ нимъ мы не встрѣтимся! я пройду черезъ кухню... Пусть онъ входитъ параднымъ крыльцемъ... О — о... (*убѣгаетъ*).

КАНЮКИНА.

Боже мой, отчего это мнѣ сдѣлалось такъ неловко... такъ стыдно принять его въ этой квартирѣ!...

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

КАНЮКИНА И КРАСНОКАЛАЧНЫЙ.

КРАСНОКАЛАЧНЫЙ (*входя*).

Вотъ видите, я исполняю свое обѣщаніе... Являюсь лично засвидѣтельствовать вамъ мое почтеніе.

КАНЮКИНА.

Вы очень милостивы, ваше превосходительство... но мнѣ совѣстно, что приходится принимать васъ въ такой бѣдной квартирѣ...

КРАСНОКАЛАЧНЫЙ.

Когда находишь жемчужину, то любишь ее только на нее, а не на раковину, въ которой она живетъ... Я здѣсь не вижу ничего, кромѣ васъ.

КАНЮКИНА (*вспыхнувъ и сконфузившись*).

Я не умѣю... Я не знаю... Я не стою такихъ комплиментовъ...

КРАСНОКАЛАЧНЫЙ.

Предупреждаю васъ, я изъ тѣхъ людей, которые никогда не говорятъ неискреннихъ комплиментовъ... Я человѣкъ прямой и говорю всегда только то, что чувствую.

КАНЮКИНА.

Ахъ, какъ жалко, что нѣтъ дома моего мужа... Еслибъ я знала, что вы сегодня удостоите насъ своимъ посѣщеніемъ, я не пустила бы его на уроки... Онъ будетъ очень огорченъ, что не имѣлъ чести...

КРАСНОКАЛАЧНЫЙ.

Я уже знакомъ съ вашимъ мужемъ.

КАНЮКИНА.

Какъ?..

КРАСНОКАЛАЧНЫЙ.

Проектъ, который вы мнѣ подали, и который доставилъ мнѣ удовольствіе познакомиться съ вами... познакомилъ меня и съ вашимъ мужемъ: вѣдь онъ его писалъ... Въ немъ обратили на себя мое вниманіе идеи... Я нарочно приглашалъ сегодня къ себѣ вашего мужа, чтобы лично поговорить съ нимъ... и нашелъ въ немъ очень умнаго и образованнаго человѣка...

КАНЮКИНА (въ восторгъ).

Ахъ, ваше превосходительство, какъ я рада!...

КРАСНОКАЛАЧНЫЙ.

Да, что особенно мнѣ понравилось въ немъ: онъ не педантъ, не чуждъ жизни и хотя... нѣсколько отрицательнаго направленія... но это ничего, мы этого не боимся... при успѣхахъ на службѣ, это проходитъ... Впрочемъ, я самъ не обскурантъ и даже не консерваторъ... Вы понимаете эти выраженія?

КАНЮКИНА.

Да... я слыхала отъ мужа... Но я вижу, что мужъ мой имѣлъ счастье понравиться вашему превосходительству, и это приводитъ меня въ восхищеніе.

КРАСНОКАЛАЧНЫЙ.

Да, я имѣю на него виды... хочу только сначала покорооче съ нимъ познакомиться... Но почему же васъ такъ восхищаетъ мое вниманіе къ вашему мужу?.. Мнѣ кажется, онъ и безъ того такъ счастливъ, что ему всякій позавидуетъ.

КАНЮКИНА.

Чѣмъ же онъ особенно счастливъ, ваше превосходительство?

КРАСНОКАЛАЧНЫЙ.

Вашей любовью... Онъ владѣетъ такимъ сокровищемъ, что ему нельзя не завидовать... По крайней мѣрѣ я такъ думаю.

КАНЮКИНА (*конфузливо, но кокетливо*).

О, ваше превосходительство... вы слишком снисходительны... Но вы мало меня знаете... во мнѣ много недостатковъ... я не такъ умна, легкомысленна...

КРАСНОКАЛАЧНЫЙ.

Это все вамъ мужъ говорилъ? Это вы отъ него слышали?

КАНЮКИНА.

Нѣтъ... я и сама сознаюсь... а онъ, бѣдный, такъ много трудится, работаетъ...

КРАСНОКАЛАЧНЫЙ.

О, я не побоялся бы никакихъ трудовъ, еслибъ въ награду за нихъ могъ заслужить любовь такого прелестнаго существа, какъ вы!

КАНЮКИНА.

Васъ ожидаетъ, ваше превосходительство, вѣроятно, блестящая, достойная васъ партія...

КРАСНОКАЛАЧНЫЙ.

Да, партія... Вы прекрасно выразились: въ нашемъ кругу именно дѣлаютъ только партіи болѣе или менѣе выгодныя... Но, я говорю не про то... Я говорю про любовь женщины такой прелестной, какъ вы... вотъ за что я бы многимъ пожертвовалъ и многое бы умѣлъ сдѣлать... Вы такъ умны, что не можете не понять меня... (*Канюкина сидитъ опустя внизъ голову, въ сильномъ смущеніи*). Напримѣръ, вашъ мужъ желаетъ сдѣлать себѣ карьеру, достигнуть довольства и благосостоянія; я все это имѣю, и все готовъ принести къ ногамъ такой женщины, какъ вы, за ея любовь ко мнѣ... (*Неожиданно перемѣняя тонъ*). А скажите: вамъ мужъ очень мало получаетъ?... Я не знаю, какое у нихъ жалованье.

КАНЮКИНА.

Очень, очень мало...

КРАСНОКАЛАЧНЫЙ.

Что же ему за охота слѣдить по этому вѣдомству... Отчего онъ не ищетъ другой службы?

КАНЮКИНА.

Я ему постоянно говорю то же самое, но онъ отвѣчаетъ: куда же я пойду, гдѣ буду искать, кто мнѣ дастъ?... Онъ не можетъ ни просить, ни кланяться... (*Входитъ Канюкинъ*). А вотъ и онъ, мой мужъ...

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

ТЪ ЖЕ И КАНЮКИНЪ.

КРАСНОКАЛАЧНЫЙ *(не поднимаясь съ мѣста, но очень притворливо протягивая руку).*

Здравствуйте. . Вотъ видите, какъ мы скоро опять встрѣтились съ вами.

КАНЮКИНЪ.

Очень вамъ благодаренъ, ваше превосходительство... Я былъ такъ изумленъ, увидя вашу карету у моей квартиры... *(садится)*. Теперь мы сдѣлаемъ басней всего города. *(Улыбается)*.

КРАСНОКАЛАЧНЫЙ.

Почему это?

КАНЮКИНЪ.

Какъ же?... вы съ визитомъ у меня, ничтожнаго учителя... Это здѣсь невысказанное событіе.

КРАСНОКАЛАЧНЫЙ.

Ну, я еще ихъ приучу и не къ такимъ сюрпризамъ... Я вижу, что здѣсь до меня все общество жило въ патриархальномъ состояніи...

КАНЮКИНЪ.

Да, здѣсь строго и до мельчайшихъ подробностей соблюдалась, въ самыхъ простыхъ житейскихъ отношеніяхъ, табель о рангахъ... и то нарушеніе, которое ваше превосходительство дѣлаете своимъ визитомъ ко мнѣ, будетъ принято чуть не за оскорбленіе общественныхъ приличій.

КРАСНОКАЛАЧНЫЙ.

Да развѣ они не понимаютъ, что, вопервыхъ, я воленъ въ своихъ частныхъ сношеніяхъ съ людьми; вовторыхъ, на мнѣ лежитъ прямая обязанность сблизать сословія между собою. — Наше общество постоянно теряетъ оттого, что живетъ очень разрозненно.

КАНЮКИНЪ.

Да, еслибъ всѣ такъ думали, какъ вы, было бы конечно легче и веселѣе жить; наши бѣдныя жены не принуждены бы были сидѣть взаперти, потому что нѣтъ своего экипажа и новаго платья для каждаго вечера.

КРАСНОКАЛАЧНЫЙ.

Ну, мы будемъ заботиться, чтобы здѣсь было повеселѣе...

*

й попроще. Но только и вы, господа, поддерживайте меня и не дичитесь. Вотъ прїѣзжайте въ первое же будущее собраніе. Я тоже тамъ буду.

Канюкинъ.

Я не членъ.

Канюкина.

Тетенька запишетъ.

Канюкинъ.

Да, ты можешь съ ней ѣхать, а мнѣ некогда...

Краснокалачный.

Неужели вы такъ заняты, что вамъ нельзя пожертвовать два, три часа вечера?

Канюкинъ.

Устаю ужасно... цѣлый день бѣгаешь изъ дома въ домъ... только вечеромъ и отдохнешь немного.

Канюкина.

Да нѣтъ, вздоръ, ваше превосходительство, я его непременно привезу въ собраніе. Все равно, и тамъ отдохнешь.

Краснокалачный.

А мы вотъ безъ васъ разговаривали съ вашей супругой... отчего вы не ищете другой должности? У нея только и разговора, что о васъ, счастливый супругъ! Да и я нахожу, что педагогика не должна васъ удовлетворять: вы, мнѣ кажется, для этого дѣла еще слишкомъ свѣжій и живой человѣкъ.

Канюкинъ (*улыбаясь*).

Вы оскорбляете наше дѣло, ваше превосходительство, думая, что для него нужны только полуубитыя и истощенныя силы... Нашъ трудъ тяжелъ только потому, что много потребляетъ силъ, мало вознаграждая, и что нашему брату впереди предстоитъ или педантизмъ съ рутинной, или чахотка... Вотъ почему только я не прочь бы взяться за другую службу и другое дѣло, еслибъ оно показалось мнѣ по силамъ.

Краснокалачный.

Ну, мы объ этомъ подумаемъ... и увидимъ... А пока навѣщайте меня почаще по вечерамъ, безъ церемоніи, и позвольте мнѣ у васъ бывать, чтобы взаимно узнать другъ друга покороче... А для меня бесѣда съ вами, свѣжимъ человѣкомъ, послѣ этой бумажной формальности, будетъ чистая отрада.

Канюкинъ (*кланяясь*).

Очень вамъ благодаренъ, ваше превосходительство.

Краснокалачный (*вставая*).

Такъ въ собраніи увидимся?

КАНЮКИНА.

Непремѣнно... я и его привезу.

КРАСНОКАЛАЧНЫЙ.

И прекрасно... Онъ долженъ сближаться съ тѣмъ обществомъ, въ которомъ, можетъ быть, будетъ жить и служить... До свиданія. (*Подаетъ обомъ руки и уходитъ. Оба Канюкина провожаютъ его.*)

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

ПЕСТРЯНКИНА (*одна выходитъ потихоньку изъ сосѣдней комнаты и смотритъ въ щелку въ прихожую*).

А-а, каково людямъ счастье!... Вотъ что значить рожица-то смазливая! Охъ, кокетка продувная! Такъ и крутить его, такъ и крутить! А мужъ-то, мужъ-то... и радъ, и радъ... Ну, и пойдутъ въ гору, непремѣнно пойдутъ.

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

КАНЮКИНА И ПЕСТРЯНКИНА.

ПЕСТРЯНКИНА (*бросаясь съ открытыми объятіями къ входящей Канюкиной*).

Поздравляю васъ, душечка, ангелочикъ, поздравляю васъ... отъ всей души! радуюсь!

КАНЮКИНА.

Да вы какъ же попали сюда, Маргарита Ѳедоровна?

ПЕСТРЯНКИНА.

А черезъ кухню... да въ вашемъ кабинетѣ и притаилась... Да жалко, поздно пришла, а видѣла, все видѣла... Поздравляю и васъ, Василій Ивановичъ!

КАНЮКИНЪ.

Да съ чѣмъ же это, Маргарита Ѳедоровна?

ПЕСТРЯНКИНА.

Съ посѣщеніемъ... Этакая особа удостоила... Этакая вельможа... и какой молодець, красавецъ! Поздравляю! Вѣдь ни съ кѣмъ же изъ насъ не познакомился, а только съ вами...

КАНЮКИНЪ.

А вотъ какъ бы вашъ Иванъ Парамонычъ тогда не полѣ-

нился и слазилъ на колокольню, и онъ бы съ нимъ познакомился... *(смѣется и уходитъ въ сосѣднюю комнату).*

К а н ю к и н а *(сухо).*

Извините, Маргарита Федоровна, и мнѣ нужно распорядиться по хозяйству. *(Уходитъ вслѣдъ за мужемъ).*

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

П е с т р я н к и н а *(одна).*

Возгордились скоро... Вотъ тебѣ и привѣтъ за мою любовь и ласку... А мнѣ вы... ровно какъ наплевать! Была учительшей чистописанія, и буду! этого хлѣба вы у меня не отобьете... А на васъ... я... плюнула да ногой растерла! больше ничего... *(Съ достоинствомъ идетъ къ дверямъ).*

Занавѣсъ падаетъ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Большая зала собранія, отдѣланная подъ бѣлый мраморъ. Съ потолка спускаются двѣ освѣщенныя люстры. По стѣнамъ стулья. На хорахъ оркестръ музыки.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Б у б е н ч и к о в а и П о з в о н к о в а.

Б у б е н ч и к о в а.

Но какова эта безстыдница Зябликова: вы слышали ли, вѣдь, говорятъ, ѣздила провожать Ивана Яковлевича до первой станціи!

П о з в о н к о в а.

Да, да; это вѣрно.

Б у б е н ч и к о в а.

Я съ ней не кланяюсь.

П о з в о н к о в а.

И я тоже...

Б у б е н ч и к о в а.

Какъ же... да вѣдь вы были у нея на прощальномъ обѣдѣ, который она давала Ивану Яковлевичу?

П о з в о н к о в а.

Ну, только тогда и была, а послѣ и не кланяюсь.

Б у б е н ч и к о в а.

А вы слышали, что у насъ, можетъ быть, скоро будетъ новый правитель?

Позвонкова.
 Канюкинъ?... Какъ же, слышала... Вотъ счастье!

Бубенчикова.
 Чтò же, говорятъ, онъ очень уменъ...

Позвонкова.
 Да, да, и ученъ...

Бубенчикова.
 А она какая милашка, жена!

Позвонкова.
 Ахъ, чудо, прелесть!

Бубенчикова.
 Она была у васъ?

Позвонкова.
 Какъ же, я была у нея... (*Поправляясь*). То-есть... я... она была у меня... какъ же...

Бубенчикова.
 И у меня была... Вѣдь, говорятъ, онъ оттого мѣсто получаетъ, что... (*шепчетъ ей на ухо*).

Позвонкова.
 Ну да, разумѣется... Почему же иначе... Кто жь въ этомъ сомнѣвается!

Бубенчикова.
 Вотъ Сыропустова опять въ ходъ пойдетъ...

Позвонкова.
 Да ужь эта женщина... не пропадетъ... ловкая!

Бубенчикова.
 Говорятъ, Канюкины сегодня будутъ здѣсь...

Позвонкова.
 Да, да, я слышала... И онъ будетъ, самъ.

Бубенчикова.
 Какъ-то онъ будетъ съ ней при всѣхъ... Это будетъ интересно!

Позвонкова.
 Ужасно... просто... я нарочно приѣхала пораньше, чтобы ничего не пропустить.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тѣ же, Звонищевъ, Бубенчиковъ и Позвонковъ.

Звонищевъ.

Нѣтъ, я чувствую, я ожилъ, я помолодѣлъ при этомъ начальникѣ... Иванъ Яковлевичъ и самъ опустился, и насъ распу-

стиль, и все распустилъ... Мы разнѣжились при немъ, облѣнились, впали въ такую апатику... А этотъ, нѣтъ, этотъ духъ даетъ, этотъ подтянетъ, онъ всѣхъ подтянетъ, онъ всѣхъ насъ сдѣлаетъ спартанцами. Бывало, я не вставалъ раньше 10-ти часовъ утра, и не могъ выѣхать изъ дома не позавтракавши... а нынче вскакиваю въ шесть, въ пять часовъ, даже ночью вскакиваю и поднимаю на ноги всю канцелярію. Выѣзжаю изъ дома часто не только безъ завтрака, но и безъ утренняго чая... И чувствую, что свѣжъ, бодръ... Атлетическія силы въ себѣ чувствую... И такъ насъ и нужно держать! Вотъ это начальникъ, такъ начальникъ... намъ такого и нужно...

Бубенчиковъ (со вздохомъ).

Не знаю... не знаю... не знаю, что будетъ!

Звонищевъ.

Будетъ-съ все хорошо... У меня теперь купцы... извозчики... мастеровые... всѣ весело смотрятъ... А ужъ какъ подтягиваю! У-у, Боже мой, малѣйшая жалоба, Боже сохрани! сказано: кабаки и лавки до обѣдни не отпирать, такъ ты у меня за своей нуждой не смѣй въ лавку идти, а не то, что за товаромъ какимъ! Сказано: извозчику такса положена, такъ онъ у меня хоть 10 верстъ, а вези за 20 коп., а пожаловались, что прибавки попросилъ... затаскаю! То-есть не руками, — драться не позволено, — а... нравственно затаскаю! А песочикъ?... обратили вниманіе!

Бубенчиковъ.

Какой песочикъ?

Звонищевъ.

На всѣхъ тротуарахъ... Теперь у меня не смѣй жаловаться, что поскользнулся, да ногу выломилъ... Врешь, самъ виновать: вездѣ посыпано!

Бубенчиковъ.

Ужъ и въ карты нынче почти не играю, и благотворить стараюсь, и дѣла на домъ беру, и женѣ говорю: ради-Бога, старайся ты какъ-нибудь все объ общественной пользѣ, а на душѣ все тяжело... Не знаю... не знаю, что будетъ!

Позвонковъ (Звонищеву).

Вамъ хорошо говорить: у васъ дѣло все на виду, хорошо или худо—сейчасъ видишь, матеріальное, такъ-сказать, дѣло... А у меня дѣло бумажное, мыслительное, да еще тутъ секретарь... А вы знаете, что это за народъ, секретари: первые губители нашего брата... подсунетъ что, подпишешь... ну, пропалъ...

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

ТѢ ЖЕ И ДЕРГАЧЕВЪ.

ДЕРГАЧЕВЪ (*подбѣгая къ Бубенчиковой и Позвонковой*).

А вы слышали, mesdames, новость?

БУБЕНЧИКОВА.

Какую?... О Канюкиныхъ?

ДЕРГАЧЕВЪ.

Нѣтъ-съ, поздравляю васъ: у насъ будетъ земство...

ПОЗВОНКОВА.

Что такое?

ДЕРГАЧЕВЪ.

Земство...

БУБЕНЧИКОВА.

Это что же значить?

ДЕРГАЧЕВЪ.

А это значить, что у насъ чиновниковъ не будетъ, судовъ никакихъ не будетъ, губернаторы не будутъ имѣть никакой власти...

(*Бубенчикова и Позвонкова испуганно оглядываются вокругъ и переглядываются между собою*).

ДЕРГАЧЕВЪ.

Будутъ только крестьяне, мѣщане, купцы...

БУБЕНЧИКОВА.

Ахъ, пожалуйста, избавьте насъ отъ этихъ разсказовъ.

ПОЗВОНКОВА.

Вы вѣчно что-нибудь такое ужасное разскажете, что даже слушать страшно.

ДЕРГАЧЕВЪ.

Это справедливо... Это будетъ...

БУБЕНЧИКОВА.

Да это до насъ не касается... Мы и слушать не хотимъ... Вонъ разсказывайте мужчинамъ.

ДЕРГАЧЕВЪ (*перелѣзая на другую сторону залы къ группѣ мужчинъ*).

Господа, поздравляю! васъ больше не будетъ... слышали вы эту новость?

БУБЕНЧИКОВЪ (*съ испугомъ*).

Какъ, насъ не будетъ? что вы говорите?...

ДЕРГАЧЕВЪ.

Такъ, не будетъ... потому что будетъ земство!

БУБЕНЧИКОВЪ.

Боже мой, что онъ говорить... какое еще земство?

ДЕРГАЧЕВЪ.

Вы не знаете, что такое земство?... Земство — это, значить, чиновниковъ не будетъ, судовъ и палатъ не будетъ, а будемъ всѣмъ распоряжаться мы сами, и судъ будетъ гласный, по голосамъ: чѣмъ общество рѣшить, такъ и будетъ...

ЗВЕНИЩЕВЪ.

Милостивый государь! знаете, я вамъ что скажу: вы не смѣйте въ публичныхъ мѣстахъ распространять подобныя зловредныя идеи... Это я знаю, откуда идетъ: это все изъ дома г-жи Бахрюковой... вы тамъ вертитесь постоянно, оттуда и выносите всякій вздоръ... я васъ за эти слова арестовать велю... и представлю... Теперь не прежнее время, я васъ подтяну... я вамъ покажу, что начальство всегда было и будетъ... Какъ вы попадете въ уголовную, да тамъ васъ потаскаютъ порядкомъ, тамъ вы и узнаете: есть или нѣтъ суды и чиновники... (*Дергачевъ сконфуженный ретируется вонъ изъ залы*). Чиновниковъ не будетъ... ишь что выдумали!... Кто же будетъ?... Кто васъ будетъ охранять, защищать, руководить, просвѣщать и подавать вамъ примѣръ... Струсилъ, удралъ!... Нѣтъ, я васъ подтяну!... Гм... Чиновниковъ не будетъ... кѣмъ только государство, отечество держится... чего быть никогда не можетъ!

БУБЕНЧИКОВЪ (*со вздохомъ*).

Ахъ, можетъ быть... все можетъ быть... всего ожидать можно!

ЗВЕНИЩЕВЪ.

Однако, надо идти, да послѣдить за нимъ: онъ, пожалуй, и другимъ начнетъ проповѣдывать... Ухъ, дамъ же я ему острастку... а если что... ей-Богу представлю... Пускай партія Бахрюковой бѣсится!

ПОЗВОНКОВЪ.

Дайте, дайте острастку... Это не мѣшаетъ... Надо разогнать этотъ вертепъ вольнодумства и неуваженія къ властямъ... Хорошенько его!

ЗВЕНИЩЕВЪ.

Да ужъ если я примусь, такъ я дамъ себя знать! Теперь не прежнее время, не при Иванѣ Яковлевичѣ... Они узнаютъ, что значить полковникъ Звенищевъ! (*Уходитъ*).

Позвонковъ.

Пойдемте и мы, Никандръ Авдѣичъ, пошляемся...

Бубенчиковъ (*глубоко вздыхаетъ*).

Охъ... пойдемте... Съ этой перемѣны, съ этого приѣма и съ рѣчи его, да какъ взглянулъ онъ тогда на меня, точно мракъ какой упалъ мнѣ на душу... Чувствую въ головѣ туманъ... туманъ... а на сердцѣ тоска... Ничего понять, ничего сообразить не могу: чего хотятъ, чего требуютъ... стараться радъ, а что нужно дѣлать, чего угодно... не знаю...

Позвонковъ.

Что Богъ дастъ... какъ ему Создателю угодно... Я на его премудрость положился... Пойдемте-ка... пропустимъ хошь пуншикъ...

Бубенчиковъ (*съ испугомъ*).

Что вы... будетъ пахнуть... а вдругъ ему придетъ фантазія заговорить... и услышитъ эти ароматы... да Боже меня сохрани... ни за что на свѣтъ!

Позвонковъ.

Ну, такъ пройдемся... Вонъ стали съѣзжаться...

Бубенчиковъ (*вздыхая*).

О-охъ... Пойдемте... (*уходятъ вмѣстѣ изъ залы*).

Впродолженіе предыдущихъ сценъ зала наполнялась посѣтителями. Дамы разсаживаются вдоль стѣнъ, дѣвицы и кавалеры ходятъ по залу. Составляются группы. Слышенъ невнятный гулъ разговоровъ, изъ которыхъ иногда слышатся восклицанія:

— Bonjour, Julie...

— Ахъ, мой Богъ, и вы пріѣхали...

— Я долго колебалась, наконецъ, рѣшилась...

— На двѣ кадрили и мазурку... ну, ради-Бога...

— Я вамъ говорю: нынче и кринолины, и шиньоны стали бросать: они вредны... это и по наукѣ доказано...

— Любви нынче нѣтъ... нѣтъ... да ея и быть не должно...

— Идетъ въ гору, страхъ... Везетъ судьба...

— Дубоваго листа въ огурцы никогда не кладите... а лучше гораздо: мѣдный пятакъ...

— Что вы спорите: я самъ видѣлъ бумагу...

— Неужели изъ надворныхъ и прямо въ статскіе?... Это невѣроятно...

— Мордочка какая, ушки... просто прелесть... и совершенно шолоковая...

— Представьте: тутъ самъ-четвертъ, король-дама самъ-пять... и проиграли...

— На оброкъ?... ни за что на свѣтъ... буду бороться до послѣдней капли...

— Да совсѣмъ нѣтъ, это не правда: онъ мнѣ не дѣлалъ предложенія...

— И не довернулся — бьютъ, и перевернулся — бьютъ.

— Я могу сдѣлать 22 тура по этой залѣ безъ отдыха... на пари...

— Нынче спереди стали вырѣзывать невѣроятно, а сзади до послѣдней невозможности...

Изъ толпы, расхаживающей по залѣ, отдѣляются и выходятъ впередъ въ сторону: Прелестный, Дергачевъ и нѣсколько человѣкъ военныхъ и статскихъ.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Прелестный, Дергачевъ и другіе, потомъ: Хлюстиковъ и Сыропустова.

Прелестный.

Въ нашъ реальный вѣкъ, господа, женщина начинаетъ продавать все: молодость, красоту, самое тѣло... она уже ни во что не вѣритъ, ни въ преданность, ни въ самопожертвованіе... Выгода, деньги — вотъ ея Богъ... Кладите у ея ногу, съ одной стороны, вѣчную любовь, всю глубину сердца, весь пылъ адской страсти, а съ другой — деньги и нарядное платье: она съ презрѣніемъ оттолкнетъ первое, и съ жадностью схватится за второе!

Дергачевъ.

Что жъ?... По моему, это такъ и быть должно: нынче вѣкъ реформъ, и женщина должна реформироваться.

Прелестный.

Нѣтъ, она не реформируется: она всегда была такова, только прежде скрывалась, а теперь дѣлаетъ явно... Увлечъ человѣка, опутать, отдаться ему, клясться въ вѣчной любви, и потомъ оттолкнуть его, бросить за горсть золота, которое ей покажутъ, за мишурный блескъ, за повышение мужа въ должности—вотъ что дѣлаютъ нынче женщины явно, публично, у всѣхъ на глазахъ!

Одинъ изъ военныхъ.

Нашъ Прелестный сегодня золь, какъ сатиръ.

Прелестный.

Нѣтъ, другъ, я скорѣе похожъ на того древняго, могущественнаго и гордаго бога, котораго приковали къ скалѣ, и орелъ елуетъ его сердце!

Хлюстиковъ (*подбѣгая*).

Мѣсто, мѣсто, господа... Сейчасъ начинаются танцы... всѣ съѣхались... Ждали только Пальмиры Карловны съ Лизаветой Александровной, но сейчасъ и онѣ пріѣхали...

Прелестный и Дергачевъ (*въ одинъ голосъ*).
Бахрюковой еще нѣтъ.

Хлюстиковъ.

Что жь, не ждать же всему обществу одной Бахрюковой до двѣнадцати часовъ... Мѣсто, господа, я даю знакъ музыкантамъ! (*Машетъ платкомъ на хоры. Окружающіе Прелестнаго и Дергачева расходятся по замъ*).

Прелестный (*Дергачеву тихо*).

Смотри же, ты бери ее, а я возьму Таню Бахрюкову, и становись такъ, чтобы насъ всѣмъ было видно.

Дергачевъ.

Да ужъ я, братъ, знаю... Это будь покоенъ. (*Расходятся. Ираетъ музыка. Танцуютъ вальсъ*).

Бубенчикова (*Сыропустовой*).

Какъ прелестно танцуетъ Лизавета Александровна... Совершенно какъ перышко летаетъ!

Сыропустова.

Да, она недурно танцуетъ.

Бубенчикова.

И какъ она хороша... Посмотрите, такъ всѣ и засматриваются и любятъ ея!

Позвонкова.

Милашка, просто милашка! А гдѣ же ихній супругъ?

Сыропустова.

Онъ здѣсь: тамъ, гдѣ-нибудь съ мужчинами... Онъ не танцуетъ.

Бубенчикова.

Говорятъ, они очень подружались со Львомъ Помпенчемъ Краснокалачнымъ?

Сыропустовъ.

Да, Левъ Помпенчъ очень къ нему милостивъ: оцѣнилъ его умъ и образованіе...

Позвонкова.

Даже по дѣламъ совѣтуются, говорятъ?

Сыропустова.

То-есть не то, что совѣтуются, а генераль его пріучаетъ въ дѣламъ.

Бубенчикова.

Говорятъ, онъ непременно будетъ правителемъ!

СЫРОПУСТОВА.

Не знаю... Генералъ предлагалъ ему службу, но онъ еще не рѣшился, колеблется...

БУБЕНЧИКОВА.

А я сейчасъ вотъ передъ вашимъ прїѣздомъ говорила Сосипатрѣ Петровнѣ: какъ бы хорошо было, еслибъ это состоялось и его сдѣлали правителемъ... я была бы очень рада...

ПОЗВОНКОВА.

Ахъ, и я тоже... *(Черезъ залу идетъ по направленію къ Сыропустовой Анна Львовна въ сопровожденіи Хлюстикова).*

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

ТѢ ЖЕ И АННА ЛЬВОВНА.

ХЛЮСТИКОВЪ.

Играть будете, Анна Львовна?

АННА ЛЬВОВНА.

А какъ же? разумѣется... не танцовать же мнѣ.

ХЛЮСТИКОВЪ.

Такъ прикажете партію составить?

АННА ЛЬВОВНА.

Составь, составь... только смотри: хорошенькую... игроковъ попроче подбери, очень искусныхъ да жадныхъ мнѣ не нужно. Я играю для удовольствія.

ХЛЮСТИКОВЪ.

Сейчасъ-съ... я знаю кого... *(уходитъ).*

БУБЕНЧИКОВА.

Анна Львовна, здравствуйте... пожалуйста вотъ сюда... я берегла для васъ мѣстечко.

АННА ЛЬВОВНА.

Благодарю *(садится возлѣ Сыропустовой)*. Здравствуй, Пальмира Карловна... А гдѣ жъ наша красавица?

СЫРОПУСТОВА.

А вонъ идетъ къ намъ: сейчасъ танцевала *(указываетъ на подходящую Канюкину)*.

АННА ЛЬВОВНА.

Здравствуй, моя прелесть, моя красоточка, здравствуй *(целуетъ ее)*.

КАНЮКИНА.

Здравствуйте, Анна Львовна.

АННА ЛЬВОВНА.

Ну, а я на тебя сердита: отчего до сихъ поръ мужа не привезла ко мнѣ?

КАНЮКИНА.

Извините, Анна Львовна, онъ никакъ не могъ времени выбрать: утромъ всегда занятъ, а вечеромъ совѣстится ѣхать въ первый разъ. Онъ непремѣнно у васъ будетъ.

АННА ЛЬВОВНА.

Ну, то-то смотри же... Я гордыхъ не люблю... А онъ здѣсь?

КАНЮКИНА

Здѣсь... Почти насильно привезла.

АННА ЛЬВОВНА.

Такъ поди-ка приведи его да представь мнѣ... Я хочу съ нимъ познакомиться и поговорить.

КАНЮКИНА *(въ смущеніи)*.

Я не знаю, гдѣ онъ... Онъ тамъ гдѣ-то...

ХЛЮСТИКОВЪ *(подходя съ картами въ рукахъ)*.

Кто это-съ?... Вамъ кого угодно?

АННА ЛЬВОВНА.

Да вотъ не знаетъ, гдѣ мужъ.

ХЛЮСТИКОВЪ

А они тамъ, въ читальной; я сейчасъ позову, если прикажете...

АННА ЛЬВОВНА.

Поди-ка позови... къ женѣ...

ХЛЮСТИКОВЪ *(подавая карты въеромъ)*.

Сію минуту... Анна Львовна, пожалуйста, готово!

АННА ЛЬВОВНА.

Кто жь играетъ?

ХЛЮСТИКОВЪ.

Все мужчины. Ужь будете довольны. Я знаю вашъ вкусъ...

АННА ЛЬВОВНА.

Ну, пускай подождутъ. Ты вотъ позови сначала ея мужа.

ХЛЮСТИКОВЪ.

Сію минуту *(убѣгаетъ)*.

ПРЕЛЕСТНЫЙ *(подходя къ Канюкиной и раскланиваясь)*.

Мое почтеніе.

КАНЮКИНА.

А, здравствуйте...

ПРЕЛЕСТНЫЙ.

Я думалъ, вы меня ужь и не узнаете.

КАНЮКИНА.

Почему вы это думали?

ПРЕЛЕСТНЫЙ.

Вы окружены такимъ ореоломъ, вы составляете предметъ всеобщаго поклоненія... гдѣ же вамъ обращать вниманіе на насъ простыхъ смертныхъ!

КАНЮКИНА.

думала, что вы перемѣнились, или что васъ и на свѣтъ нѣтъ совсѣмъ, а вы все такой же (*отворачивается*).

ПРЕЛЕСТНЫЙ (*вполголоса*).

Рира бьень ки рира дернье...

КАНЮКИНА (*не дослышавъ*).

Что?... что вы говорите?

ПРЕЛЕСТНЫЙ.

Ничего-съ (*смотритъ на нее многозначительно, крутитъ усы и отходитъ*).

АННА ЛЬВОВНА (*Канюкиной*).

Этотъ молодець, должно быть, безъ памяти въ тебя втюрился...

КАНЮКИНА.

Не знаю... только онъ ужасно скучный господинъ и надоѣлъ намъ до смерти своими частыми посѣщеніями...

БУБЕНЧИКОВА (*Сыропустовой суетливо показывая на Бахрюкову, которая проходитъ черезъ залу вмѣстѣ съ племянницей*).

Смотрите, смотрите: пріѣхала... Ахъ Боже мой, какъ нестыдно этой женщинѣ: нахвастала, осталась на смѣху у всѣхъ и еще въ общество показывается!

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

ТѢЖЕ И БАХРЮКОВА. (*Бахрюкова садится на сторону, противоположную той, гдѣ сидятъ Сыропустова, Бубенчикова и проч.*).

ПОВЗОНКОВА

Смотрите, смотрите, около нихъ только одни военные; нашихъ нѣтъ...

ДЕРГАЧЕВЪ (*подходитъ къ Канюкиной*).

Позвольте васъ просить на слѣдующую кадрили...

КАНЮКИНА.

Съ удовольствіемъ.

ДЕРГАЧЕВЪ (*кланяется и отходитъ*).ХЛЮСТИКОВЪ (*подбѣгая къ Канюкиной*).

Вотъ вашъ супругъ-съ идутъ... Я ихъ позвалъ...

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Т Ъ Ж Е И К А Н Ю К И Н Ъ .

К А Н Ю К И Н А .

Благодарю васъ... (*Идетъ на встрѣчу мужу*). Вася, я должна тебя представить Аннѣ Львовнѣ... Она просила меня... (*Тихо*) Что тебя за дѣло, что говорятъ про нее... Будь съ ней, ради Бога, полюбезнѣе... Для меня!... (*подводитъ мужа къ Аннѣ Львовнѣ*) Вотъ мой мужъ, Анна Львовна. (*Канюкинъ кланяется*).

А Н Н А Л Ъ В О В Н А .

Очень пріятно познакомиться. Извините старуху, что обезпокоила. Я вашу супругу до страсти полюбила, да кажется и она мной не брезгуетъ... Мнѣ было очень жаль, что васъ не имѣла удовольствія до сихъ поръ видѣть.

К А Н Ю К И Н Ъ .

Вы простите меня, Анна Львовна... У меня такія обязанности, что я рѣшительно не имѣлъ времени засвидѣтельствовать вамъ мое почтеніе и поблагодарить за вниманіе къ моей женѣ.

А Н Н А Л Ъ В О В Н А .

Ничего, ничего, я за это и не въ претензіи... Въ старухѣ какой же интересъ, къ ней новыя люди приходятъ только тогда, когда нужда бываетъ до нея... Ну, а старыя знакомыя, которые меня хорошо знаютъ, говорятъ, любятъ меня и дорожатъ моимъ знакомствомъ... Садитесь-ка около... Вы вѣдь не танцуете и въ карты не играете?

К А Н Ю К И Н Ъ .

НѢтъ.

А Н Н А Л Ъ В О В Н А .

Ну, такъ тебѣ, батюшка, все равно... поговори со мной... Извините, такая привычка отъ старости, всѣмъ привыкла говорить ты... Если не пріятно, буду воздерживаться.

К А Н Ю К И Н Ъ .

Помилуйте, для меня все равно. (*Садится около Анны Львовны*).

А Н Н А Л Ъ В О В Н А .

НѢтъ, вѣдь я знаю: вы, молодые люди, горды бываете иные... Но такъ-какъ я полюбила вашу жену, то хотѣла бы, чтобъ и вы меня полюбили... А кто меня любитъ, тотъ позволяетъ мнѣ говорить съ собой просто, безъ церемоніи, по моей старушечьей привычкѣ. (*Хлюстиковъ выбѣгаетъ на середину зала и машетъ платкомъ музыкантамъ; даютъ ритурнель къ кадрили; устанавливаются пары; впереди всѣхъ становятся визави Дерячевъ съ Канюкиной и Прелестный съ племянницей Бахрюковой*).

БАХРЮКОВА (*громко племянницѣ*).

Таня, поди сюда.

ТАНЯ (*подходя*).

Чего изволите, ма tante?

БАХРЮКОВА. (*также громко*).

Кто эта дама визави съ тобою? (*Указываетъ на Канюкину*).

ТАНЯ.

Я не знаю, ма tante.

БАХРЮКОВА.

Какъ же ты не знаешь, мой другъ, съ кѣмъ танцуешь... Какъ васъ, господинъ офицеръ, пожалуйста сюда... (*Прелестный подходитъ*). Вы не знаете, кто эта дама, которая танцуетъ съ Дергачевымъ, визави съ моей племянницей? Я ея не знаю...

ПРЕЛЕСТНЫЙ.

Я знаю-съ... Это жена учителя, г-жа Канюкина...

(*Общее вниманіе*).

БАХРЮКОВА.

А-а, вотъ, кто! Ну, я не позволю моей племянницѣ танцовать въ одной кадрили съ такой особой. Скажите это вашему визави. Таня, сядь здѣсь. (*Общее волненіе*).

ДЕРГАЧЕВЪ (*подбѣгая*).

Что такое?

БАХРЮКОВА (*очень громко*).

Я не позволю моей племянницѣ танцовать вмѣстѣ съ той двусмысленной особой, которую вы такъ дерзко поставили на одну доску съ моей племянницей... (*Канюкина рыдаетъ. Общее сильное волненіе. Всѣ вскочили съ своихъ мѣстъ и раздѣлились на двѣ группы: одни около Бахрюковой, другіе въ сторонѣ въ нерешительномъ положеніи. Около рыдающей Канюкиной только одинъ блѣдный какъ полотно мужъ и Сыропустова*).

ЯВЛЕНІЕ ВОСМОЕ.

ТѢ ЖЕ И ЗВонищевъ.

ЗВонищевъ (*въ сопровожденіи Хлюстикова, сбѣгавшаго за нимъ, быстро и грозно подходитъ къ Бахрюковой*).

Какъ вы смѣли, сударыня, оскорбить въ благородномъ собраніи женщину?

БАХРЮКОВА (*съ достоинствомъ кидая презрительный взглядъ на полковника*).

Потише, полковникъ... Я видала не такихъ страшныхъ людей, какъ вы... И не вамъ требовать у меня отчета!

СЫРОПУСТОВА.

Это низко, это гадко, оскорблять женщину, которая ничего вамъ не сдѣлала! Вы злитесь, что васъ бросили, никто васъ знать не хочетъ... Что вы нагали о вашей дружбѣ съ генераломъ?

БАХРЮКОВА.

Не той меня упрекать въ низости и гадости, которая хотѣла сама устроить мнѣ скандалъ и которая для своихъ низкихъ цѣлей готова вводить въ наше общество всякихъ...

КАНЮКИНЪ (*пошатываясь подходитъ къ Бахрюковой*).

Я мужъ этой оскорбленной женщины и спрашиваю васъ, публично, при всѣхъ: за что вы назвали ее двусмысленной особой?

БАХРЮКОВА.

А-а, вы мужъ! Ну, вотъ что я вамъ скажу: если вы честный человекъ и дорожите честью своей и репутаціей вашей жены, такъ не входите такимъ путемъ въ чужое вамъ общество и не пускайте жену въ положеніе искательницы вакантнаго мѣста съ незавидной должностію... Поняли вы меня? Идя такимъ путемъ, вы не заслужите уваженія въ высшемъ васъ обществѣ, хоть и ворветесь въ него насильно...

КАНЮКИНЪ.

Я врываюсь насильно въ ваше... высшее общество! Не бойтесь! Я уйду отъ васъ... Я здѣсь совершенно случайно... Благодарю васъ за урокъ, который вы дали легкомыслию моей жены... и моему легковѣрію... Прощайте, достойные господа! Пойдемъ, Лиза! здѣсь не мѣсто плакать, здѣсь люди собрались веселиться... (*Беретъ жену подъ руку и уводитъ сквозь разступающуюся толпу*).

АННА ЛЬВОВНА.

Гордымъ Богъ противится... (*Спокойно нюхаетъ табакъ*).

БУБЕНЧИКОВЪ (*вздыхаетъ*).

Боже мой, Боже мой... Что будетъ... Что будетъ?..

ЗВЕНИЩЕВЪ.

Даже я растерялся, и не знаю, что дѣлать...

ХЛЮСТИКОВЪ (*вбѣгая*).

Генераль пріѣхаль, генераль пріѣхаль!

БАХРЮКОВА.

Поздно... Ха, ха, ха... (*Сыропустовой*). Чтò, благотворительница! Никто-то васъ не благодарить... Таня! поѣдемъ домой... (*Идетъ и встрѣчается съ Краснокалачнымъ*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

ТѢ же и Краснокалачный.

Краснокалачный.

Ахъ, Конкордія Никтополионовна!

БАХРЮКОВА.

Ахъ, ваше превосходительство, вы меня узнали... Я и не ожидала этой чести! Поздно только немного... Комедія кончена и вакантное мѣсто остается незанятымъ (*Хохочетъ и уходитъ*).

Краснокалачный (*въ изумленіи*).

Что это значитъ?... (*Общее молчаніе и смущеніе. Картина*).

Занавѣсъ падаетъ.

Алексѣй Потѣхинъ.

ПРОШЕДШЕЕ И НАСТОЯЩЕЕ.

(Изъ записокъ князя Ю. Н. Голицына).

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ VI-Й ЧАСТИ.

На чужой сторонѣ.

Маршрутъ моего путешествія былъ изъ Кишинева въ Галацъ. Въ это время (1860 г.) Молдавія и Валахія находились въ самомъ печальномъ состояніи. Внутренняя организація совершенно распалась, существовало нѣчто анархическое, почтовые сообщенія почти прекратились, дороги были непроѣзжаемы, грабежи приняла такіе размѣры, что даже днемъ въ глухихъ мѣстахъ случались нападенія, а въ ночное время ямщики рѣшительно отказывались возить. Это было за нѣсколько мѣсяцевъ до того времени, когда, знаменитый впоследствии, князь Куза былъ еще простымъ смертнымъ и служилъ исправникомъ въ Галацѣ, гдѣ во время моего двухнедѣльнаго пребыванія я имѣлъ случай съ нимъ познакомиться, и бывалъ у него нѣсколько разъ. Жилъ онъ съ старухой матерью своею въ весьма скромномъ деревянномъ домишкѣ съ садикомъ и велъ жизнь уединенную. И эта самая обстановка и скромность кн. Кузы были единственными причинами его неожиданнаго выбора въ господари. Во время выборовъ составились двѣ такія диаметрально противоположныя, равносильныя партіи, что партіи эти, не предвидя возможности избрать своего кандидата, рѣшились единогласно избрать безцвѣтную личность, которую впоследствии легко было бы забрать въ руки. И потому выборъ палъ на князя Кузу. Последствія доказали, какъ эти обѣ противоположныя партіи ошиблись.

На пути моемъ къ Галацу находился городъ Кавуръ. Хотя это было въ мартѣ мѣсяцѣ, но день былъ жаркій; лошади за-

